

Вадим Сухачевский

ПРИЧУДЛИВ АЯ КЛИО

Исторические фантазии

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelodami

18+

Вадим Сухачевский
Причудливая Клио

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сухачевский В. В.

Причудливая Клио / В. В. Сухачевский — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Книга построена в весьма необычной форме - как рецензии несуществующего автора на несуществующие произведения. Представлено много исторических сюжетов, относящихся к разным эпохам. Большинство сюжетов имеют детективную, порой и фантастическую, а иногда и эротическую окраску.

© Сухачевский В. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Памяти Станислава Лема

**От
составителя**

Да, безусловно, памяти великого Станислава Лемма, во имя которой не грех поработать даже малым мира сего! Но данная книга посвящена, в первую очередь, памяти *одного* его произведения: «Альфред Целлерман “Группенфюрер Луи XVI”» из лемовской книги «Идеальный вакуум».

Рассказ Лема (условно назовем это рассказом) строится как рецензия несуществующего автора на несуществующее произведение, и эта форма меня крайне заинтересовала. Возможно, она могла бы заинтересовать и многих других, у кого с возрастом накопилось немало идей, но уже едва ли хватит времени для их реализации в форме повестей и романов.

У Юрия Андреевича Васильцева, с которым я давно знаком, накопилось, благодаря его должности председателя Тайного Суда и многочисленным негласным связям, немало рукописей, которым, видимо, не суждено когда-либо быть опубликованными, и, по моему совету, он выступил таким рецензентом. [*О самом Юрии Васильцеве и о Тайном Суде см. в опубликованных книгах В. Сухачевского «Тайный Суд», «Сын палача», «Слепень», «Из архивов Тайного Суда», «Превыше всего», «Злой Октябрь»*].

Поскольку сам Ю. Васильцев, ввиду своего глубоко конспиративного положения (адреса его, как и имя, под которым он нынче живет, не ведомы никому, сие – тайна за семью печатями), не может заниматься распространением своих сочинений, то скромную роль составителя книги и ее распространителя взял на себя Ваш покорный Слуга.

Упомянул (дважды!) автор этих записок и Вашего Покорного Слугу (в рецензиях на книги «Злой Октябрь» и серию «Тайный Суд» (это единственные из фигурирующих здесь книг, которые на сегодняшний день все-таки изданы. Ох и досталось от Юрия Вашему Покорному Слуге! За что, впрочем, янисколько к нему не в претензии.

Что же касается остальных произведений, о которых рассказывается в книге, то они, хоть и не изданы, но (свидетельствую!) в самом деле, существуют, и может быть, когда-нибудь, – неизвестно, правда в сколь близком будущем, – настанет время и для некоторых них.

Также Ваш Покорный слуга взял на себя смелость снабдить большинство записей Ю. Васильцева (с его разрешения) сносками, комментариями и краткими историческими справками, которые читатель, знакомый с предметом, вполне может и опустить.

Вадим Сухачевский, 2017 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЮРИЯ

ВАСИЛЬЦЕВА

**,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ**

ТАЙНОГО

СУДА

Кое о каких особенностях этой рукописи мой друг В. Сухачевский уже рассказал. Добавлю только, что некоторые произведения достались мне лишь в обрывках, некоторые основательно истлели от времени, поэтому не уверен, что я не пропустил в них нечто действительно важное. На одни из них я писал развернутые рецензии, на другие – лишь отзывы-памятки для самого себя, ибо моя переменчивая судьба не может гарантировать сохранность всего этого огромного вороха бумаг, чудом уцелевших в архивах Лубянки, не сгоревших в бур-

жуйках времен Гражданской войны и не пущенных (или пущенных лишь частично) на самокрутки революционными матросами.

Одну статью – «Деспозины и Священный Грааль» (автор – профессор Московского университета Иван Игнатьевич Глебов, расстрелянный в 1938 г.) – привожу полностью, добавив лишь свой краткий комментарий.

Также целиком даю в конце книги небольшой роман «Ахилл» профессора А. Финикуиди, крайне, по-моему, занимательный.

В других же заметках, – поскольку сочинения авторов не дошли (а может, никогда и не дойдут) до читателей, – мне пришлось весьма подробно излагать сюжеты, так что это еще и отчасти обстоятельные аннотации.

От составителя я не требовал располагать мои тексты в хронологическом порядке, который диктует строгая дама Клио, муза Истории. Не вижу в том особого греха, ибо эта прихотливая дама и так столько всего напутала в своих владениях!

Большинство сюжетов имеет детективное свойство, отчего порой думаю: уже не эта ли уважаемая муза – истинная основательница детективного жанра?

* * *

Привожу список моих записей в том порядке, в каком достались мне сами рукописи, с указанием годов их написания авторами. Возможно, составитель изменит этот порядок.

Также привожу известные мне весьма скудные сведения о дальнейшей судьбе их авторов.

– **«Варавва, или Справедливость Господня»** (1940 г.) Авт. Иосиф Гуздь. (По моим сведениям, умер в психиатрической лечебнице.)

– **«Пиррова победа»** (1912 г.) Авт. некий М. М. Е., расстрелянный в 1936 г.

– **«Деспозины и Священный Грааль»** (1927 г.) Авт. проф. И. Глебов. Расстрелян в 1938 г.

– **«Декамерон 1914»** (1915 г.) Авт. П. Васильцев [*мой покойный дядюшка, расстрелянный в Гражданскую войну. – Ю. В.*].

– **«Лорд-опричник»** (1924 г.) Авт. А. Вяземский. (Позже служил в ВЧК – ГПУ – НКВД; расстрелян как сподвижник Л. Берии в 1953 г.)

– **«Спасти Жанну»** (1939 г.) Авт. Феликс Денни. Умер в Париже.

– **«Кто поджег Рим?»** (1940 г.) Авт. Дм. Сирый, – 1940 г. Умер в 1956 г. по причине хронического алкоголизма.

– **«Ыш абарак бузык, или На чем стоит мир»**. (Время написания не известно.) Авт-ры некие Лука и Фома, личности весьма темные и загадочные, но отнюдь не вымышленные, ибо я сам неоднократно встречался с ними, и в соответствующей заметке еще расскажу о них. Несмотря на всю фантастичность этих персонажей, они реально существовали, существуют и, уверен, всегда будут существовать.

Наконец:

– **«Злой Октябрь»** Авт. В. Сухачевский [О Боже! – В. С.]. Книга основана на записях моего отца, Андрея Васильцева, также председателя Тайного Суда. Рассказать же о самом себе автор может и сам, если того пожелает.

– **Серия книг «Тайный Суд»** Авт. тот же. Серия основана на отголосках моих собственных рассказов, частично додуманных автором.

В заключении моею небольшой заметкой предваряется роман

– **«АХИЛЛ»** (1920 г.), о котором я уже говорил ранее.

Далее см. в этой книге.

Юрий Васильцев, 1975 г.

1.

ВАРАВВА

,

или

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ГОСПОДНЯ

Авт. Иосиф Гуздь

Интересную повесть-притчу создал этот автор, о судьбе которого мне известно лишь то, что скончался он в психиатрической лечебнице.

О, Справедливость! Как часто мы слышим и произносим это слово! Она зачастую видится нам чем-то абсолютным, богоданным, и как-то порой ускользает от понимания то, что это дама имеет много разных ликов, а почти каждый из нас видит лишь одно ее изображение. Таков и смысл притчи, о которой и поведу разговор.

* * *

Действие происходит в Иерусалиме во вполне понятные нам из названия времена.

Маленький, нищий человек Варавва вдруг оказывается за решеткой. Что ж, это в какой-то мере даже справедливо – ведь он, действительно, украл ту буханку хлеба, чтобы не умереть с голоду, но красть все равно нехорошо. Не справедливо, по его мнению, лишь вот что: за столь малую провинность его следовало бы уже на другой день высечь (причем, не слишком сильно) да и отпустить с миром. А тут...

Он сидит за решеткой уже вторую неделю, и ему начинает мерещиться предвестие чего-то страшного. Вправду, с чего бы его держать в клетке рядом с тремя другими клетками, в двух из которых томятся (он про них наслышан) два страшных преступника, Гестас и Гесмас, кровожадные убийцы, нападавшие даже на римских солдат. Уж их-то наверняка распнут (туда им и дорога); но он-то, он, столь мелкий воришка, – почему он оказался в соседстве с ними?!

Правда, в четвертую клетку недавно бросили какого-то тихого парня, по всему, слегка тронутого умом. [Читатель, полагаю, уже догадался, Кто это такой.] Что-то он там, кажется, проповедовал; ну да мало ли нынче в Иудеи всяческих сбрендивших пророков, и никто их, кажется, покуда не распинал. Может быть, их двоих посадили в клетки так, для острастки? Обоих высекут и отпустят...

Но почему, почему их держат вместе с этими двумя отпетыми разбойниками?! Тем-то двоим – что! Они уже знают свою судьбу, они ее не страшатся (как не страшились ничего и никогда). Они скалят зубы из-за своих решеток и всё рассказывают ему, Варавве, как тяжела смерть на кресте. Им весело оттого, что его маленькое тельце вскоре будет висеть рядом с ними. Ну а тот, тронутый, знай произносит какие-то душеспасительные речи; ах, до них ли сейчас?! Автор приводит обрывки этих речей; я их здесь приводить не буду, они известны каждому, кто читал Новый Завет.

Убедительно изображен автором нарастающий ужас воришки. Тот все более и более готов поверить, что страшная участь не минует и его.

Но за что, Господи, за что?!..

* * *

И тут мы переносимся в дом прокуратора Понтия Пилата. Здесь небольшое отступление назад во времени, ибо дело происходит еще до ареста Вараввы.

Пилат в раздумьях. Ему донесли о некоем пророке, из тех, каких он здесь уже навиделся, но этот якобы (согласно доносу) говорил что-то непочтительное о кесаре, а это, по закону, карается смертью. Кесаря, этого сумасшедшего Тиберия, прокуратор и сам в душе ненавидит, но – «*Dura lex*¹». У него нет сомнений, что лже-пророка оболгали, и он не имеет ни малейшего желания подвергать того мучительной казни на кресте. Однако тут Закон и Справедливость, как видно, разошлись в противоположные стороны.

И думает прокуратор вот о чем: как бы избежать ему самому греха, как бы не сотворить столь не оправданную с точки зрения Справедливости жестокость?

И тут его секретарь, живущий в Иудее уже многие годы и знающий ее обычаи много лучше, чем Пилат, невзначай рассказывает ему, что, по одному из здешних обычаев, накануне священного здешнего праздника Пасхи можно казнить не более трех приговоренных преступников, а если их оказалось больше трех человек, то народ вправе сам решать, кого из них отпустить.

Что ж, праздник Пасхи будет вскорости; но вот беда: преступников, по закону заслуживающих мучительной смерти, в наличии всего трое: два отпетых разбойника и этот блаженный.

И постепенно прокуратору приходит идея, как направить, – если не закон, то местные обычаи, – в сторону Справедливости. Он вызывает начальника городской стражи и приказывает ему: хоть землю носом рыть, но найти и схватить разбойника, который был бы страшней, чем те два кровопийцы, такого, чтоб народ ужаснулся его преступлениями.

* * *

Увы, люди, подобные этому начальнику стражи, «носом рыть землю» (что тогда, что теперь) не слишком охочи.

Так и попадает в клетку всего лишь мелкий-мелкий воришка.

Но ведь нужны еще и серьезные преступления, не то, глядишь, прокуратор покарает за нерадивость.

И начинаются мучительные допросы Вараввы, которым автор посвящает несколько глав.

Я предполагаю, что автор либо служил в НКВД, либо был жертвой оного; во всяком случае, описывает он эти допросы с большим знанием дела. Варавве многими сутками не дают спать, отчего воля у того вовсе ускользает из души. Его мучают жаждой, его подолгу и мучительно избивают. И наконец он, совсем обессиленный, сознается *во всем*: да, убивал, да, насиловал, да, нападал и на солдат, да, не верует в Единого Бога, да, это он распорол брюхо тому греку-ювелиру, убийцу которого до сих пор не могли разыскать. И прошлогодний пожар в Иерусалиме – тоже его рук дело. И целые семьи вырезал вместе с малыми детьми, – только не мучьте больше!

И вот на стол к Пилату ложится протокол допросов: да, пойман преступник, страшнее которого до сих пор, кажется, тут и не было! Уж такого народ не отпустит. Ну а ко всяческим пророкам тут народ снисходителен (в конце концов, каждый еврей по-своему пророк).

* * *

Но тут по городу расползается слух, что пойманный – всего лишь Варавва, мелкий воришка, которого тут знают многие. Воровать, конечно, плохо, но ведь парень-то голодал всю жизнь. Да, воришек надо наказывать, но не казнить же их, причем с такою жестокостью. Нет, Варавву им, надменным римлянам, не отдадим! Ну а полусумасшедший пророк... Судьба у него, видно, такая – быть распятым. На небесах ему, глядишь, воздастся сполна за его земные муки. Да он (если он действительно умеет слышать Господа) и сам должен радоваться, что отдаст жизнь во имя спасения мальчишки от чудовищной и несправедливой смерти!

¹ Закон есть закон (*лат.*)

* * *

И вот утро накануне праздника Пасхи. Четверо преступников выставлены перед народом. По приказу Пилата, список преступлений троих зачитывается несказанно долго, особенно преступлений Вараввы: уж таких-то преступников-кровопийц, поди, и не отыщешь больше. Преступление (единственное) тихого пророка лишь упоминается вскользь. Кажется, ясно, кого народ отпустит, согласно обычаю.

«Ну, и кого?» – вопрошает Пилат.

И слышит в ответ единый выдох толпы: «Варавву!»

* * *

Вдали, на Лысой горе, – три креста с прибитыми к ним преступниками. А Варавва убегает (не поймали б снова!) и думает: «Да, есть Господь! Ибо не допустил несправедливости!»

* * *

По-моему, притча вполне состоялась. Жаль, что ее никогда не опубликуют.

Добавлю, что мне довелось прочесть подпольную рукопись недавно скончавшегося (что удивительно – своей смертью) писателя Михаила Булгакова², которая тоже, к великому сожалению, едва ли когда-либо увидит свет. У него в роман также вставлена притча со сходным отчасти сюжетом, но повернутым совершенно иначе, написанная блистательно. Однако отдам должное и неведомому Иосифу Гуздю: его притча, если и блекнет на фоне Булгаковской, то все-таки вполне имеет право на существование, как при наличии на небе солнца вполне может существовать и светиться луна.

И еще скажу, что тот древний мир, при всей его жестокости, изображен куда более человечным, нежели наш нынешний, где можно казнить хоть накануне Пасхи, хоть Первомай, и при этом мнения народа здесь никто не спрашивает.

Ну да то притча. А как оно было на самом деле – иди знай.

2.

ЛОРД

-

ОПРИЧНИК

Авт. А. И. Вяземский

Автор этой повести является полным тезкой опричника времен Ивана Грозного князя Афанасия Ивановича Вяземского, описанном как законченный мерзавец А. К. Толстым в его «Князе Серебряном». И, как мне удалось выяснить, не просто тезкой. Но об этом см. ниже.

Повесть до того жестоко-натуралистична, что Ваш Покорный Слуга, читая эту рукопись, не раз боролся с желанием выбросить ее, не дочитав. Однако дочитал-таки, пересилив себя, и о том не пожалел, ибо финал ее – весьма знаменательный.

Итак, эпоха Ивана Грозного. Елизавета Английская засылает на Русь своего лазутчика, лорда Гамильтона, дабы тот побольше выведал об этой далекой и во многом загадочной стране, где к тому же нынче происходит нечто непонятное – какая-то *опричнина* (поди разбери, что сие означает). И лорд, приехав в Москву, легко выполняет, как мы бы теперь сказали, *операцию по внедрению* – то есть сам вступает в эту самую опричнину, как это прежде него сделали другие иностранцы – немец фон Штатден, шотландец Лермонт и др.

² Данная рецензия была написана Васильцевым в 1940 году. – В. С.

Вот тут-то автор и начинает, смакуя подробности, описывать ту кровавую вакханалию, что охватила Русь (не стану здесь пересказывать, ибо – противно).

Поначалу наш лорд-опричник тоже несколько шокирован. Нет, конечно, в Англии тоже не благодумствуют – чего стоила недавняя казнь Гая Фокса³, да и пиратов в Портленде вешают, предварительно прокипятив их в смоле, – но там казни совершают по каким-то хоть обвинениям, а здесь... Кровопролитие ради самого кровопролития, да еще с какой изощренной жестокостью!

Лорду сначала все это претит, но постепенно он «входит во вкус», и чем более гнусные жестокости он творит, тем более продвигается вверх в опричном войске. Наконец ему настолько начинает нравиться происходящее, что он сам уже организовывает нападения на усадьбы не опричных бояр, и уж сколько кровушки там проливает! Причем, порою делает это так изобретательно, что и бывалые опричники даются диву. «Смотрите, москвиты, как надо!» – иногда возглашает он и производит пытки и казни с британской методичностью.

Автор весьма убедительно подает нам то, как меняется постепенно отношение лорда к Малюте Скуратову. Вначале он презирает этого недавнего холопа, стоящего на вершине опричной лестницы, но потом обнаруживает в нем все более и более привлекательные черты. Тот, в свою очередь все более располагает к некогда надменному лорду: никуда не денешься – родство душ!

Но вот, спустя годы, – тайное письмо из Лондона, от самой королевы: та требует наконец его возвращения. Однако лорд уже настолько стал опричником и по званию, и по душевному пристрастию, что никак не отзывается на ее послание. Он – опричник, и выше идеала для него нет.

Заканчивает лорд свою жизнь, как и многие опричники, весьма плачевно: его заживо сваривают в котле. Но даже накануне этой позорной и мучительной казни он убежден, что здесь, на Руси, все делалось и делается правильно. Просто с ним лично была допущена досадная ошибка.

Такая вот повесть.

А теперь – не менее интересная повесть о судьбе ее автора, увы, не написанная никем. Ваш Покорный Слуга, имевший доступ к некоторым чинам с Лубянки, кое-что знающим об авторе, наметит ее лишь штрихами.

Автор – действительно, в недавнем прошлом князь и прямой потомок опричника Афанасия Вяземского, казненного царем Иваном по неведомо какому обвинению. В Гражданскую войну наш Вяземский не стал эмигрировать (хотя имел такую возможность), скрыл свое происхождение и в годы Красного террора стал одним из беспощаднейших членов Военного трибунала Южного фронта.

После Гражданской служил в ВЧК – ГПУ – НКВД, где, благодаря своей неумолимости к врагам, все более продвигался вверх и к началу 50-х дослужился до генеральского звания.

В 1953-м был расстрелян по делу Л. П. Берии как его близкий сподвижник. О чем думал наш автор перед казнью, нам неведомо.

Да, наша Клио порой рифмует не только события, но и судьбы!

3. ПИРРОВА ПОБЕДА

Авт. М. М. Е.

³ Организатор т. н. «Порохового заговора».

[Ист. справка. Битва при Аускуле. Произошла в 279 г. д. н. э., когда Пирр, царь Эпира, вторгся в Италию. Как это описано у Плутарха, большая часть как римлян, так и эпирцев в этой битве погибла. Отсюда и выражение «пиррова победа», т. е. победа избыточно большой ценой. – В.С.]

—

Об авторе мне известно лишь то, что уже в преклонные годы, в 1936 году, он ненадолго угодил в Лубяную тюрьму (надолго в ту пору там не задерживались») и уже через пять дней, во всем, разумеется, сознавшись, был расстрелян. Рукопись его повести мне удалось добыть много позже из секретных лубяных архивов, благодаря своим поднадзорным⁴, служившим в НКВД.

Судя по всему, рукопись пролежала там, не привлекая к себе интереса, поскольку даже для тамошних следователей, при всем их искусстве, было, видимо, затруднительно привязать описываемые в ней (тем боле – вымышленные, как в самом начале указывает сам автор) события, относящиеся к III в. до н. э., к действиям троцкистско-зиновьевского блока, за которые и встал в конце концов к стенке многоуважаемый М. М. Е.

* * *

Итак, действие повести происходит в древнем Риме, в конце упомянутого века, лет через двадцать после битвы при Аускуле, получившей название «Пиррова победа» и весьма красочно описанной многими историками, включая великого Плутарха.

Главный герой повести, молодой римский патриций Марк Тувий из славного рода Гракхов, изучая историю, вначале несколько обескуражен: как-де крохотный, весьма бедный Эпир, составлявший лишь часть и ныне забытой Богом Албании, смог выставить гигантскую по тем временам армию в 25 тысяч пехоты, несколько тысяч всадников и 20 боевых слонов? Как смог их царь Пирр, хоть бы он даже и потомок великого Александра, а стало быть и самого Зевса, – как он смог морем переправить все это войско в Италию; сколько ж кораблей ему для этого понадобилось?!

Марк Тувий обращается к архивам и сталкивается со столькими взаимно противоречивыми описаниями события, что это подвигает его к собственным изысканиям. Прошел ведь не столь большой срок со времени той достославной битвы; из немногочисленных выживших должен же был хоть кто-то, как он полагал, дожить и до сего дня, – и он начинает их искать.

О, таких, выживших и доживших, оказалось даже больше, чем он ожидал!

С каждым из них он ведет беседу (содержание этих бесед составляет первые главы повествования), и сперва невообразимое кровопролитие, происшедшее при Аускуле, едва ли не воочию предстает перед его глазами. Здесь надо отдать должное автору (М. М. Е.), который передал все это с необычайной живостью, хотя и с несколько избыточным и жестоким, на наш взгляд, натурализмом.

Центурион по прозвищу Громила: «Пирровы слоны, эти дышащие огнем исчадья самого Тартара, давили нас, как мы давим тараканов! Слышался хруст костей моих солдат, такой, что, казалось, поступь некоего гиганта по сухому валежнику. Потoki крови обрушивались на нас шквалами, будто состоявший из крови океан бился о скалы.

⁴ О поднадзорных Тайного Суда см. в книге В. Сухачевского «Тайный Суд» и др. Коротко: это лица, за свои преступления приговоренные Тайным Судом к смерти, но до времени оставленные на свободе, *под надзором*. Природная трусость и желание выслужиться, всегда характерная для этой категории приговоренных, понуждала их исполнять многие пожелания Тайного Суда. (Ю. В.)

Мои солдаты дрались, как львы, все вокруг было усыпано отрубленными руками и головами греков... Одна моя центурия истребила чуть не тысячу врагов. Увы, от всей центурии в живых остался один лишь я...»

Командир когорты Гай Сулий. «Подобного кровопролития я больше не видел никогда! Эпирцы шли фалангой, и иногда их воин на одну свою сарису⁵ нанизывал по нескольку пронзенных тел.

Но и мои ребята были не промах! Наши манипулы разрезали их фаланги. Места, по которым они проходили, превращались в сплошные кровавые месива.

В этой битве я потерял левую руку и правый глаз, но можно сказать, что мне все же повезло: из все когорты в живых, слава Юпитеру, остался один лишь я.»

Солдат по прозвищу Бычок: «Слоны? А что – слоны! Навроде кабанов, только в сто раз больше. И у него, у этого кабанищи, аж два хрена имеется: один – как у всех, а другой – на морде, спереди; называется «хобот». Уж я этих хрен-хоботов самолично поотрубал штук десять, а то и больше; а было у греков этих слонов тысяч пять, наверное. Ну а без хрена своего, того, что на морде, этот кабан-слон – не боец. Он от боли вовсе ума лишается и давит, не разбирая, что наших, что своих же греков. Да и подыхает вскорости: видать, без этого второго хрена ему не жизнь... Ох, и кровушки тогда пролилось – что слоновьей, что греческой, что нашей!..

Что еще о слонах? Ну огнем он дышит, это да, это я сам видал. И искры у него из глазищ. И срет он раскаленными бронзовыми шарами, а как испугается – так огненной лавой. Так-то! *[Из чего, как заключил наш исследователь, этот солдат слонов вживе никогда не видывал. – Ю. В.]*

Но нашим ребятам ни искры его, ни лава ни по чем! Все же славные мы солдаты, римляне!»

Легат 2-го легиона Марк Валерий Агинобарб: «При подсчете потерь я пришел в ужас. Сперва не поверил даже, что от всего моего легиона к концу битвы осталось всего тридцать человек. На поле битвы виднелось кровавое болото, в которое превратились все шесть тысяч моих легионеров.»

Еще множество воспоминаний; и вот наконец:

Сенатор Тит Юний Катулл: «Сам я, как ты понимаешь, битвы этой не видел – был еще слишком мал. В ней участвовал мой отец, от был легатом славного Первого легиона, павшего целиком; там он и сложил голову.

Беда наша, мой друг, была, я так думаю, в том, что Рим был весьма беден в ту пору, после трех неурожайных лет, и мы смогли выставить всего четыре легиона, на большее попросту не хватило денег. Поверишь ли, я, мальчик из сенаторского сословия, подчас неделями не видел мяса на обеденном столе, а плебеи попросту пухли от голода.

А сразу после битвы дела наши как-то почти сразу поправились. Видишь мою виллу? Согласись, она неплоха. Именно тогда брат моего отца, усыновивший меня, ее и построил. Да посмотри и на виллу старого одноглазого и однорукого пройдохи Сулия! А ведь он родом-то из плебеев, и отец его служил простым солдатом.

Все это несколько странно, по-моему, и я рад, что ты проводишь свои изыскания. Может, благодаря им, что-то как-нибудь прояснится...»

⁵ Длинное ударное копье греческого фалангера.

* * *

Стоп! Вот с этого-то места и начинается собственно сюжет повести, ибо сразу после посещения сенатора на нашего героя совершается первое покушение. Пока еще это можно принять за случайность: просто какой-то ненормальный нападает на него с ножом; в конце концов, мало ли сумасшедших в огромном Риме?

Но после того, как вслед за тем обрушивается лестница в его собственном доме, пища его оказывается отравленной, а в спальню его влетает зажженная стрела (и все это в один день!), он начинает осознавать, что почему-то на него ведется всамделишная охота.

Далее число покушений множится, лишь везение всякий раз спасает его, *[не буду на каждом из них останавливаться]*. И постепенно в нем укрепляется мысль, что все это каким-то образом связано с его историческими изысканиями.

Однако, будучи действительно храбрым римлянином, он с тем большим усердием, невзирая на смертельные опасности, поджидающие его на каждом шагу, продолжает это свое занятие.

Постепенно выясняется, что большинство «очевидцев» битвы при Аускуле в действительности не были ее участниками. Добавляется множество подробностей. Так, командир когорты Гай Сулий глаз потерял в лупанарии⁶, а руку – в одной пьяной драке. Легат 2-го легиона Марк Валерий Агинобарб во время этой битвы находился в Сирии. Отец сенатора Тита Юния Катуллы был убит собственным братом года через два после того сражения. Число таких нестыковок с каждым днем множится.

Что ж, всякие войны порождают, наряду с героями, и немало лгунов. Ну, допустим, решил кое-кто из них прикончить своего разоблачителя, – делов-то! В общем, именно так я на первых порах «угадал» основную тему повести, а поскольку впереди было еще много страниц, то на какое-то время мне стало не интересно читать – это все равно как, читая детектив, заранее знать, что убийца – садовник.

Потом, однако вспомнил приведенные мною выше слова сенатора о сказочном обогащении всех, кто был причастен к битве с эфирцами, и это породило во мне сомнение в своей «догадке» и подвигло читать повесть М. М. Е. далее.

* * *

Собрав кое-какие сведения в Риме, наш герой отправляется в Эфир, к своему другу Юлию, скрывающемуся там от каких-то преследований со стороны римского сената.

[Не стану слишком задерживаться на описании автором морских приключений своего героя, его встречи с пиратами, его пребывания на необитаемом острове. Все это, по-моему, – совершенно лишнее и только уводит читателя от основного сюжета.]

И вот наконец он в Эфире. И там узнаёт от друга, что:

- 1) царь Пирр был убит своими подданными вскоре после его похода на Рим;
- 2) ни одного выжившего участника битвы при Аускуле никто здесь, в Эфире, не знает;
- 3) неурожайные годы были здесь тогда же, когда и в Риме, и множество народа полегло от голода;
- 4) сам Пирр перед походом настолько обнищал, что вынужден был продать свой дворец и ютился в небольшом домишке;
- 5) деньги (весьма немалые) на наемную армию дала ему местная знать в расчете на то, что их царь разграбит Италию, и деньги им вернутся сторицей;

⁶ Публичном доме.

б) что незадолго до своего похода Пирр тайно побывал в Риме и имел там разговор с самыми влиятельными персонами;

7) что, наконец, дети Пирра после убийства их отца внезапно и неведомым путем ска- зочно разбогатели.

Здесь, в Эпире, на нашего героя снова совершаются покушения. Ему удастся узнать, что вдохновители покушений – потомки Пирра. И тут к нему приходит...

...Нет, нет! Я хотел написать: «приходит озарение», но это было бы не точно. Ибо оно, озарение, прокрадывается к нему шагком за шагком, иногда эти шагки нам почти не заметны. Тут надо отдать должное автору, превосходно сумевшему создать то, что американцы называют «suspens» («саспенс») – томительное приближение чего-то страшного и неясного.

Прозрение пробивается всполохами, то и дело вязнет в сомнениях.

Он беседует с самим римским консулом, тот объясняет ему, что его изыскания на эту тему не патриотичны, а всполохи в его сердце подсказывают Гракху, что в действительности вовсе не о патриотизме идет речь. [Что, впрочем, обычное дело: тогда, видимо, как и у нас нынче, речи о патриотизме возникали, когда у вас хотели что-либо украсть.]

Я, однако, не обладаю талантом М. М. Е. по части «саспенса», поэтому не стану долго томить читателя, а выложу сразу все...

Итак, в конце концов, героя осеняет осознание: никакой битвы при Аускуле НИКОГДА НЕ БЫЛО!

Было же вот что.

Римляне (включая даже сенаторов) и Пирр сильно обеднели в голодные годы, и тогда Пирру явилась мысль: ПРИДУМАТЬ сражение. С чем его римские собеседники довольно легко согласились.

Ну а очевидцы? Да их почти и не осталось – ведь победа-то была *пиррова*. Перебили, стало быть, все и с той, и с другой стороны.

Деньги, данные ему на поход, Пирр, разумеется, попросту присвоил. Римские сенаторы последовали его примеру. Ну а затем все-таки были выбраны «очевидцы» и «участники» сражения – из самых алчных и бессовестных, и они за приличную мзду стали без устали делиться своими «воспоминаниями».

Увы, истина эта оказалась слишком опасной. В конце повести Гракх, разумеется, погибает, а записи его исчезают. Вот только – бесследно ли?

* * *

По правде говоря, я не слишком верю, что притча М. М. Е. имеет под собой какие бы то ни было основания. Думаю, и сам он едва ли верил в свою версию. Впрочем, вера (как и неверие) – плохой советчик. Что же до источников... Ах, что в них только не понаписано! И какими только своими причудами не удивит еще нас насмешливая порой муза Клио!

Во всяком случае, Вы заинтересовали меня, многоуважаемый М. М. Е.

Покойтесь же с миром!

4. ДЕСПОЗИНЫ И СВЯЩЕННЫЙ ГРААЛЬ

Проф. И. Глебов

Говорят: история умеет хранить свои тайны. Справедливости ради добавим: способна она порой все же и проговариваться. И при всем стремлении, возникающем время от времени кое у кого, вытравить из нее нечто нежелательное, оно то и дело будет выглядывать наружу этими “проговорками” истории, порождая в людях вопросы и жажду дать на них ответ.

Попробуем и мы пробиться сквозь бастионы одной величественной Тайны, пронзающей собою два десятка веков.

Меровинги и папский престол

Если на востоке Европы, в Византии, история раннего христианства напоминает бурлящий котел, ересь следует за ересью, то в западной Европе после крушения Римской империи наблюдается кажущееся единомыслие среди христиан. Собственно, эта половина Европы вплоть до VIII-IX века большей частью языческая, и христианство до поры утвердилось только в двух самых культурных ее областях – в центре Италии, где в Вечном городе Риме восседают наместники святого Петра римские епископы (будущие папы), и в просвещенной Галлии (на месте современной Франции), которой правит королевская династия Меровингов – так называемые “ленивые короли”.

Но вот что сразу вызывает удивление: эти два очага христианства с самого начала весьма настороженно относятся друг к другу. Между ними ведется вполне уважительная переписка, в ней не обнаружить никаких разногласий, касающихся самой религиозной доктрины, однако взаимную холодность они не скрывают. Создается такое впечатление, что переписываются родичи, которые не могут забыть о какой-то не упоминаемой ими, но известной обоим обиде, наподобие несправедливо разделенного наследства.

Папы явно претендуют на духовную власть над всем христианским миром. Основание у них для этого в первую очередь чисто географическое: они находятся в Риме, а Вечный город, как они полагают, унаследовал от рухнувшей империи право быть собирателем Европы. Не странно ли, что при этом они не упоминают о другом, казалось бы куда более весомом для всех христиан основании: ведь их престол основан самим апостолом Петром, а его авторитет, как сейчас представляется, для христианского мира непререкаем.

Но нет, ни разу не приводят папы этот аргумент в своей переписке с Меровингами, словно не решаясь затронуть что-то крайне для себя болезненное.

А что же Меровинги? Да их тон по отношению к Риму, пожалуй, даже несколько покровительственный. Будучи не только грамотными (в отличие от королей следующей династии – Каролингов), но и весьма образованными, они считают себя вправе давать наставления в вопросах веры самим наместникам престола Петра.

Еще одна странность. Большая часть храмов, строящихся в эпоху Меровингов по всей Галлии, носит имя Марии Магдалины. Интересно, а сколько же подобных храмов в тех местах, что находятся в сфере влияния пап?

Да нисколько! Ни одного! Вот так-то!

Позже, со сменой Меровингов Каролингами, храмы Марии Магдалины и в Галлии не в чести, они либо разрушаются, либо их спешно переименовывают в храмы Девы Марии.

С чем связаны такие перемены? Уж не “проговорилась” ли тем самым о чем-то история? Похоже на то.

Уже после того, как последнего короля из их династии сверг, а затем и убил Пипин Короткий, в одном из документов той поры прорывается не еле слышная “проговорка”, а возглас: “Пипин пролил кровь, священнее которой в мире нет”.

Кем же считали Меровингов современники, чьими потомками? Да по этому возгласу ясно – Чьими!

Настала, как видно, пора сказать о том, что впоследствии стало казаться чуть ли не ересью, а в раннее средневековье считалось в сущности общеизвестным: Меровинги, де, ведут свое начало не больше не меньше как непосредственно от Иисуса Христа и Марии Магдалины. И тут, конечно, сразу возникает вопрос: да могло ли быть потомство у Иисуса Христа?!

Было ли потомство у Иисуса Христа и загадка Марии Магдалины

Сразу оговоримся: мы нисколько не покушаемся на текст Святого Писания. Личная жизнь Иисуса Христа в его земной ипостаси там фактически вовсе не отражена по вполне понятной причине: авторов Евангелий интересовало совсем не это, а в первую очередь учение Спасителя и принесенная Им искупительная жертва.

Зададимся вопросом: а мог ли Он *не быть* женат?

Едва ли! По понятиям тогдашней Иудеи, мужчина, не женатый к тридцати годам, выглядел бы совершенно противоестественно, он мог быть только предметом насмешек. А наследников царя Давида закон обязывал не только жениться, но и произвести на свет не менее двух сыновей. Во всяком случае, не будь Он женат, Евангелисты наверняка позаботились бы о том, чтобы как-то объяснить столь странное, противоречащее обычаям обстоятельство.

В действительности в тексте Евангелий имеется много намеков как раз на то, что Иисус имел статус женатого человека. Например, в Евангелии от Иоанна (11:2) упоминается, что *“Мария же... была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими”*. Сходные упоминания мы находим у Матфея (26:6-7): *“Когда же Иисус был в Вифании..., приступила к Нему женщина с... сосудом мира драгоценного и возлила Ему возлежащему на голову”,* – и почти дословно то же самое у Марка (14:3). В ту пору было без всяких пояснений понятно, что так могла поступать лишь невеста наследника из рода Давидова. Согласно Ветхому Завету, и самому Давиду, и Соломону их невесты мазали голову миром и отирали ноги своими волосами.

Еще более прямо о том, что Иисус был женат, говорится в апокрифическом евангелии Филиппа: *“А верным другом Иисуса была Мария Магдалина. И любил Христос ее более остальных учеников Своих, и лобызал ее не единожды в уста ее. Остальные же ученики, оскорбленные тем, осуждали Его. Говорили они Ему: почему Ты привечаешь ее больше нас? Спаситель отвечал им, и сказал так: почему же Мне не любить ее больше вас? Велико таинство супружества, – ибо без него не стало бы мира”*.

А были ли у Марии дети от Иисуса? Читаем у Луки (7:37-38): *“И вот женщина..., которая была грешница, ... ставши позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром”*. Увы, человек, незнакомый с со сложной иудейской обрядовостью той поры, может не уловить истинный смысл этих слов, абсолютно прозрачный для современников и соплеменников Иисуса. О том, что отирать волосами ноги согласно тогдашнему обряду могла только жена, мы уже говорили; но почему она рыдала, почему названа грешницей?

Да потому, что “грешницей” (а в более точном переводе “нечистой”) называли жену, которая забеременела! До рождения ребенка она обязана была удалиться от своего супруга и не общаться с ним, как бы на время становясь вдовой, а перед тем, в соответствии с обрядом, должна была рыдать, оплакивая это свое временное “вдовство”.

Можно, таким образом, заключить, что Мария не только была законной женой Иисуса, но и родила ему ребенка, да и, вероятно, не одного. Куда же она в таком случае делась вместе с детьми после казни Спасителя?

Видимо, она опасалась религиозных или политических преследований. Во всяком случае, она вынуждена была вместе с детьми бежать из Иудеи в римскую провинцию Галлию, где

скончалась в 63 году от Р. Х. Уж в этом-то не сомневается никто, ибо в окрестностях городка Сент-Бом, что на юге современной Франции, находится ее могила.

Согласимся же после всего сказанного, что версия о происхождении повелителей Галлии Меровингов от самого Спасителя появилась далеко не на пустом месте.

Почему же так укоренилось представление о Марии Магдалине как о блуднице? Неужели только ошибочное толкование некоторых евангельских текстов стало тому причиной?

Нет, это никак нельзя отнести к числу добросовестных заблуждений. Главную тут роль сыграла все-таки политика, которая в средневековье была делом ничуть не менее грязным, чем во все времена.

Ватикан и Каролинги

Как уже упоминалось, Меровинги получили прозвище “ленивых королей”. В действительности они не были так уж ленивы, просто сфера приложения их сил была за пределами понимания темного средневекового рыцарства. В эпоху царившей даже среди знати полной неграмотности они читали книги, причем написанные не только на латыни и на греческом, но и на арамейском и на иврите. Наложением рук, как некогда их предок Иисус, они врачевали от проказы, они создали на юге нынешней Франции, в Провансе, еще одно королевство, Благословенную Септиманию, страну священников и ученых, где из почтения к Ветхому Завету иврит стал даже государственным языком. Они уподобляли себя мелхиседекам – библейским царям-первосвященникам и дела духовные считали своим основным занятием. Называли же они себя *деспозинами*, что означает “от Господа”.

А кто же правил страной? Для этого был создан институт майордомов. Огромное королевство было разделено на четыре майордомата, и майордомы вершили суд, собирали подати, командовали армиями, то есть в представлении рыцарства занимались истинным делом. Самым влиятельным стал Аквитанский майордомат, в особенности после того, как в 732 году майордом Карл по прозвищу Мартелл (Молот Божий) в битве при Пуатье разбил арабов и остановил их продвижение в Европу.

Разумеется, авторитет майордомов среди служилой знати был куда выше, чем авторитет королей-деспозинов; как, однако, представлялось, по всей видимости, Меровингам, они были защищены от любых политических заговоров и династических переворотов священностью своего происхождения. Да и сами майордомы до поры до времени понимали, что свергнуть потомков самого Спасителя – слишком богопротивное деяние.

Но сын Мартелла Пипин Короткий рассудил иначе. Поддержку он видел в давнем конкуренте королей-деспозинов – папском Риме, осененном в глазах верующих не меньшей святостью. В 753 году он обратился к папе с тайным письмом, сегодня хорошо известным. В своем послании он предлагал сделку: папа поддержит его притязания на престол и после свержения Меровингов самолично коронует, а он, Пипин, со своей стороны подарит престолу святого Петра добрую треть Италии.

Конечно, получить во владение такое огромное княжество было заманчиво для Рима, но, по всей видимости, еще заманчивее было после устранения высокомерных деспозинов утвердить наконец свое первенство в западном христианском мире и заручиться поддержкой со стороны самого могущественного из европейских властителей.

Сговор между светским и духовным владыкой быстро состоялся. Почти сразу вслед за этим последний из Меровингов был свергнут, а затем убит, и престол занял Пипин Короткий, положив начало новой династии – Каролингам. Между Франкским королевством и Римом сразу установились самые теплые отношения, и уже сын Пипина Короткого Карл Великий получил из рук папы корону Римского императора.

Вслед за тем Каролинги и Рим совместными усилиями взялись за выполнение важнейшей идеологической задачи – надо было вытравить из сознания людей память о деспотизме происхождения свергнутой династии и тем самым обелить этот сговор, который мог восприниматься как поступок святотатственный.

Метод ими был выбран столь же простой, сколь действенный: обеляя себя, очерняя других. И жертвой такого очернения в первую очередь стал образ Марии Магдалины. Вот когда римские теологи начинают повсеместно отождествлять ее с блудницей, которая упомянута в одной из евангельских притч. Более храмы с ее именем на территории, подвластной Каролингам, не воздвигаются, а уже воздвигнутые либо приходят в запустение, либо переименовываются.

Другим предметом подмены становится важнейшее для средневековья понятие – Священный Грааль.

Судьба Грааля

Сегодня понятие Грааля трактуется зачастую весьма неопределенно. С одной стороны это чаша, в которую капала кровь распятого Христа, с другой – символ древней мудрости, дошедшей еще со времен не то царя Соломона, не то даже Адама. Алхимики наделили Грааль смыслом, вовсе ускользающим в туман средневековой схоластики, еще больше тумана добавили впоследствии розенкрейцеры, франкмасоны и создатели теософии.

Впрочем, персонажи рыцарских романов, не отягощенные избыточной грамотностью, не вдавались в столь тонкие материи и странствовали по свету в поисках Священного Грааля именно как чаши. И как правило находили его – кто в странах неведомых, а кто и во вполне известных, в Шотландии, в Ирландии, в Греции.

Однако рыцарские романы – это лишь отголосок той подмены, которая была совершена после свержения Меровингов. В эпоху “ленивых королей” понятие Священного Грааля, было вполне определенным, да только к чаше оно не имело никакого отношения. Родом Грааля называли себя сами короли-деспотины, то есть родом, ведущим свое происхождение от Иисуса Христа, а стало быть, и от Соломона и Давида. И поиски Грааля были занятием весьма насущным. Не чашу с кровью Христовой искали тогдашние рыцари, а саму кровь Христову, то есть отпрысков Его рода, раскиданных по всему свету, а они действительно были и в Шотландии, и в Ирландии, и в Греции, и в Палестине.

Но сам факт существования таких отпрысков изрядно мешал Каролингам и Риму. И вот появляется новое толкование Грааля, куда более устраивающее династию узурпаторов. Идея подмены крайне проста: вместо метафорической “крови Христовой” искать чашу с Его кровью. Если таковая и найдется, едва ли она вызовет у кого-либо неприятные для Каролингов воспоминания.

Новое представление о Граале как о чаше, ввиду своей наглядности и простоты, уже через каких-нибудь сто лет почти повсеместно поглотило истинное содержание этого понятия.

Однако все же было в Европе место, где память людей оказалась не столь подверженной тлению.

Кровавые события в Лангедоке

На юге франкского королевства располагалась непокорная земля Лангедок, названная так по языку ее обитателей (*la langue d'oc*). Родина первых средневековых поэтов-менестрелей, формально она входила в королевство, но ее население считало себя вполне независимым от власти Каролингов, и даже Карлу Великому, завоевавшему половину Европы, так и не удалось полностью подчинить себе свободолюбивых южан.

В отличие от остальной Западной Европы, где население было практически полностью неграмотным, здесь грамотой владели даже простолюдины, и историческая память лангедокцев, запечатленная в книгах, была намного устойчивее, чем у других народов. Здесь хорошо помнили о существовавшей по соседству Благословенной Септимании, созданной деспотизмами, а стало быть и о самих деспотизмах, и об истинном значении Священного Грааля, что представляло крайнее неудобство как для Рима, так и для Каролингской династии.

Видимо, именно по причине своей хорошей исторической памяти жители Лангедока, принявшие христианство едва ли не первыми в западной части Европы, так никогда и не признали ни духовную власть над собой римских пап, ни светскую власть французских королей.

Существовали и некоторые религиозные различия между ними и католическим миром. Под влиянием восточного течения – *манихейства* они считали материальную земную жизнь изначально греховной, лишённой самоценности перед грядущим Царством Небесным.

В эту самую пору в Европе вполне в открытую действовали сатанистские секты, даже германский император не скрывал, что участвует в обрядах, связанных с поклонением сатане, но ведущие вполне благочестивый образ жизни лангедокцы (или катары, как их еще называли по их верованию) были объявлены главными врагами христианской церкви. Заручившись поддержкой короля Франции Филиппа II, папа Иннокентий III объявил против катаров крестовый поход. Армия мародеров, большей частью безразличных к какой бы то ни было вере, возглавляемая Симоном де Монфором, откровенным сатанистом, вторглась в Лангедок. Началась длительная и кровавейшая Альбигойская война, названная так по главной крепости катаров Альби.

Бойня в Лангедоке длилась почти 40 лет. Катары подвергались полному уничтожению, костры полыхали по всей некогда благодатной земле. Наконец в 1244 году пал последний оплот альбигойцев, город Монсегюр, где в один день было сожжено более двухсот катаров.

После столь кровавой победы, казалось, из людской памяти напрочь выжжено все, нежелательное для пап и французских королей.

Однако человеческая память оказалась прочнее всех спаленных крепостей. Не минуло и полвека со времен Альбигойской войны как предание о деспотизмах и об истинном смысле Священного Грааля обрело новую жизнь. И произошло это все на той же многострадальной земле, в Лангедоке.

Тамплиеры и дальнейшая судьба рода Грааля

Первым из рыцарских орденов, образовавшихся во время крестовых походов в Палестину, был орден рыцарей-монахов Тамплиеров, или Храмовников (названных так, поскольку они основали первый христианский храм в Иерусалиме). Со временем этот орден стал могущественнейшей силой в Европе, его побаивались все европейские короли, богатства ордена превосходили казну любого королевства, а его магистры не особо подчинялись даже папе Римскому, номинальному главе ордена. Фактически они создали свое королевство на землях опустевшего после Альбигойской войны Лангедока – тут они воздвигли свои главные замки, тут же находилась и резиденция их магистра.

Возможно, кое-какие знания они почерпнули в Палестине, возможно, уже находясь в Лангедоке, обнаружили спрятанные библиотеки катаров; так или иначе, но тема Грааля и деспотинов среди рыцарей Ордена оживает вновь. “Рыцари Священного Грааля” – так они все чаще называют себя. И по всему Лангедоку либо восстанавливают, либо строят заново храмы, посвященные своей, как они считают, покровительнице – все той же Марии Магдалине, которая к этому времени уже пять столетий не в особой чести ни у католической церкви, ни у французских королей. Существует много свидетельств о том, что по возвращении из Палестины они возобновляют активные поиски Священного Грааля в подлинном смысле этого понятия,

то есть поиски *крови Христовой*, потомства Иисуса. И, без сомнения, находят, ибо в Ордене даже появляется звание рыцарь-деспозин.

В начале XIV века король Франции Филипп IV (Красивый) с согласия папы Климента V устраивает расправу над тамплиерами. Их обвиняют в разврате, в ересях, в колдовстве, подвергают самым страшным пыткам. В конце концов последнего магистра Жака де Моле сжигают на костре, казни тамплиеров идут по всей Франции, их замки разрушают.

Историки указывают много причин этой кровавой расправы над Орденом. Конечно же, сыграла свою роль и зависть короля Филиппа к несметным богатствам тамплиеров, и его желание прибрать эти богатства к своим рукам, и стремление короля к объединению Франции – тут Лангедок, находившийся под властью Ордена, был костью у него в горле, – но, думается, желание снова отправить в небытие память о деспозинах и об истинном смысле Грааля также должно было двигать им.

Безнадежное в сущности желание! Ибо не было на земле случая, чтобы тайна истории ускользнула из мира навсегда.

Перед разгромом Ордена Жак де Моле отправил нескольких своих эмиссаров на Мальту, которой владел другой рыцарский орден – Госпитальеры (они же Иоанниты), еще нескольких – в Шотландию, так что знания тамплиеров едва ли удалось уничтожить.

А сам род Грааля? Нежели он пресекся после злодеяния, совершенного Пипином Коротким?

Вовсе нет. К тому времени христианский мир был весьма обширен, и в результате браков между представителями знатных родов кровь Грааля влилась во многие европейские династии. Особенно хорошо прослеживается связь между Меровингами и шотландскими Стюартами.

Однако мир царственных особ тесен, и, пожалуй, генеалогическое древо любого царственного рода имеет переплетения с древом Грааля. Не исключение тут и российские Романовы, состоявшие в тесном родстве с западноевропейскими домами.

Потомки Стюартов поныне знают о своем деспозинском происхождении и немало гордятся им. А что можно сказать в этом отношении о русских царях?

...В самом конце XVIII века, с началом Наполеоновских войн, Мальтийский орден, наследник знаний тамплиеров, перебрался в Санкт-Петербург, избрав российского императора Павла своим великим магистром. Трудно полагать, что мальтийцы не поделились с магистром всеми тайнами своего ордена.

И на пороге уже века XIX Павел напишет письмо с грифом: “Вскрыть тому, кто будет править Россией через 100 лет”.

Воистину неисповедимы пути, по которым могут пробраться к нам тайны Истории!

Да и земля Лангедока сумеет сохранить многое и преподнесет еще миру сюрприз.

Отец Беренжер и послание императора

В 1885 году в лангедокской деревушке Ренн-лэ-Шато появился новый кюре отец Беренжер Сонье, отпрыск знатного, но давно разорившегося рода. Осматривая там полуразрушенную церковь Марии Магдалины, он неожиданно обнаружил старинные свитки, замурованные в одну из колонн. Среди этих свитков были и относящиеся ко времени короля Дагоберта II из Меровингской династии.

Находка полностью изменила жизнь сельского священника. Конечно, слишком мало времени по историческим меркам с тех пор прошло, меньше 120 лет, за такое время история не открывает сполна свои тайны, но все же есть основания кое о чем задуматься. Почему отец Беренжер не открыл миру свою находку, а отправил ее в Ватикан? Почему Ватикан до сих пор безмолвствует на сей счет? Почему, тем не менее, отцу Беренжеру стали регулярно поступать

оттуда немалые деньги, на которые он смог восстановить храм Марии Магдалины и вести богатый образ жизни? Почему, наконец, он выбил над входом в храм надпись: “КАТАРЫ, АЛЬБИГОЙЦЫ, ТАМПЛИЕРЫ – РЫЦАРИ ИСТИННОЙ ЦЕРКВИ”?

Как мы видим, тайна Грааля, кажется, и тут снова приоткрыла свои чертоги.

Судьба отца Беренжера вообще полна странностей. Вдруг Ватикан разрешает ему жениться. (Напомним, что это католическая церковь, где обет безбрачия для священников обязателен!)

Мало того, когда выясняется, что жена его бесплодна, он получает высшее соизволение вступить во второй брак без расторжения первого. Люди говорили: «Содом и Гоморра», на что Ватикан не реагировал ровно никак.

Увы, вторая жена также оказалась бесплодной. Третьего брака не случилось: отец Сонье скончался.

И тут... Это было просто невысказано.

ВСЕ кардиналы съехались в маленькое селение, чтобы присутствовать на его похоронах. Как мы видим, тайна Грааля, кажется, и тут снова приоткрыла свои чертоги.

[...Добавлю сходную историю. В 1970-е годы в Ленинграде скончался скромный инженер. И тут на его похороны съехались все члены Политбюро. Пескаревское кладбище никогда еще не видело такого количества правительственных «членовозов».

Загадка?

Не столь уж большая, если учесть, что усопший инженер являлся сыном Ленина от Инессы Арманд. Прервалась ветвь их учителя, Грааль уходил в небытие.

А уж после этого не стану пояснять, кем в действительности был отец Беренжер Сонье, и КАКАЯ ветвь пресеклась. Да, кардиналов (и наших, и «иных») вполне можно было понять.

Что же касается отца Беренжера, то именно из-за него я привожу всю эту статью профессора, ибо она во многом подкрепляет события, описанные в романе неизвестного автора «ббб», мою заметку о котором см. в настоящей книге. – Ю.В.]

А что же с письмом Павла, адресованным императору, который будет править спустя 100 лет?

Все произошло в точности так, как он и завещал. В 1900 году письмо вскрыл Николай II, правящий в это время. Церемония происходила в присутствии приглашенных, в том числе и журналистов.

Вот как описывает это событие один из них:

“Государь вскрыл пакет, запечатанный мальтийской печатью.

– Господа, я должен сперва сам ознакомиться, – произнес он и погрузился в чтение.

Однако по мере того, как он читал, на лице государя проступало вначале удивление, а затем и нескрываемый ужас.

– Это ужасно, ужасно, господа!.. – проговорил он, дочитав послание. – Поверьте, господа, так будет лучше, право же, лучше!.. – и с этими словами швырнул письмо в горящий камин”.

И что же, так и сгорела в камине, обратилась в пепел Тайна? – возможно, спросит читатель.

Ах, не знаю, не знаю! Уж не тайна ли это его деспозинского происхождения. А если так – то не ждет ли нашего нынешнего монарха роль такой же искупительной жертвы, какой стал некогда его далекий Прародитель?

1914 г

[Поскольку уважаемый профессор писал эту статью за четыре года до расстрела императорской семьи в Ипатьевском доме, то, быть может, он – в ключе своих исследований (некоторые полагают – весьма сомнительных) – истолковал бы и эту трагедию. – Ю. В.]

5.

ДЕКАМЕРОН

1914

Авт. П. Васильцев

Частичному сохранению этой рукописи мы обязаны дымоходу печки: именно туда (вероятно, в 1919 году, накануне своего ареста и почти тут же впоследствии последовавшего расстрела) мой покойный дядюшка, отставной прокурор, действительный статский советник, спрятал листы этой рукописи. Там же я и нашел их спустя много лет – но Боже, в каком виде! Одни вовсе истлели, другие испортились до полной неудобочитаемости, остальные мне все же удалось восстановить (некоторые лишь частично, с применением химикатов и фиолетовой лампы). В какой-то степени дымоход выступил в каком-то смысле соавтором дядюшки, ибо способствовал определенным жанровым особенностям этой рукописи – изрядной недоговоренности, появившейся в тех или иных эпизодах, что лишь усиливает детективную интригу (а перед нами именно детектив), а в других случаях придает кое-каким наиболее откровенным эпизодам (ибо перед нами детектив в какой-то мере *эротический*) благопристойную целомудренность.

Дядюшкин роман построен (я уверен) на основе реальных событий.

* * *

П. Васильцев (ПВ), страдавший желудочным заболеванием, в июле 1914 года отправляется на Кавказские минеральные воды и поселяется в пансионате «Парадиз». «Население» пансионата автор перечисляет (с их краткими характеристиками) в самом начале повествования, что создает определенное удобство для читателя. Это:

Белозерцев, отставной генерал-майор, жизнерадостный, весьма колоритный старик лет под 80.

Ольга Витальевна Дробышевская, ок. 40 лет, мистически настроенная вдова из С.-Петербурга, судя по всему, тяжело больна, что легко угадывается по ее изможденному лицу.

Г-н Васюков (он же Ряжский), лет 35 или чуть менее. Во внешности прослеживается некоторое сходство в его лице с Наполеоном Бонапартом Первым.

Г-н Петров, 35 лет, учитель гимназии, имеет какой-то затравленный вид.

Г-н Львовский, под 30, исключительно красив и с виду исключительно глуп.

Кокандов, 28 лет, поначалу представился помещиком Херсонской губернии. Черные глаза, твердый, уверенный взгляд.

Грыжеедов, 2-й гильдии купец, 45 лет, весьма дородный господин.

Г-жа Евгеньева Маргарита Никифоровна, 25 лет, с виду демимонденка⁷, но представляется княгиней. Ходит в платьях с совершенно неуместным в данных условиях декольте.

Ми, изящная девушка лет 19 – 22. Ее правильной формы головка выбрита наголо, отчего кажется фарфоровой (ах, каких только изысков не породит нынешнее упадническое время!..) Выражение лица часто бывает несколько отрешенное. Говорит отрывисто, иногда подпуская

⁷ Дама полусвета. .

вульгарные словечки, но при этом в речи присутствует некий иностранный акцент, природу которого мне до поры до времени не удавалось установить.

Г-н Кляпов, 40 лет, молчун, несколько одутловат, всем своим видом показывает: «Не трогайте меня!»

Г-н Финикуиди, 50 лет, московский профессор, член масонской ложи, о чем свидетельствует миниатюрный мастерок «вольного каменщика», болтающийся у него на ремне.

Г-н Шумский, инженер

Г-н Семипалатников, ок. 40 лет, с нафабранными усиками, торчащими пиками вверх а la кайзер Вильгельм. Молчалив, как и г-н Кляпов, но, в отличие от последнего, как-то несколько надменно молчалив. Носит загнутые концами вверх кайзеровские усики.

Ну и, помимо постояльцев:

Г-жа Ахвледзиани Амалия Фридриховна, в девичестве фон Дитрих, лет 50 (выглядит намного моложе), хозяйка отеля «Парадиз», вдова грузинского князя. Ходит в черном, но едва ли в знак траура, просто ей этот цвет очень идет. И вообще – исключительно хороша какой-то особой, аристократической красотой.

Абдулла (Абдуллайка), слуга.

Дуня, лет 25, горничная.

Лизавета, повариха, не менее 6 пудов.

Нельзя также не упомянуть о **г-не Сипяго**, хотя он возникнет и будет пребывать в этом моем повествовании уже в виде покойника.

Прибыв в пансионат, ПВ видит, что все его обитатели изрядно напряжены. Вскоре узнаётся причина – это загадочная смерть г-на Сипяги, тело которого сейчас лежит в леднике в ожидании труповозки.

Она, однако, не придет, ибо через полчаса после появления ПВ случается сход горного ледника Беяз Олим (что в переводе с татарского означает «Белая Смерть»), и «Парадиз» оказывается отрезанным от внешнего мира до тех пор, пока власти не раскопают образовавшийся завал, что, как окажется, произойдет лишь через две недели.

Эти две недели окажутся роковыми для всего мира. Мир уже стоит на грани войны (эрцгерцог Фердинанд уже убит в Сараево), и подготовка к войне идет вовсю, о чем наши герои могут лишь догадываться.

К вечеру постояльцам становится скучно, и г-жа Леопольдова предлагает устраивать вечерние «пети жё»⁸: каждый вечер кто-то, кому выпадет фант, должен рассказать историю из своей жизни, причем непременно связанная с l'amour. В общем, в этой части книги все очень похоже на происходящее в «Декамероне» у Боккаччо.

С этого момента сюжет романа раздваивается. Главы выстроены по датам вынужденного заточения героев, но каждая глава состоит из двух частей: «День» (когда развивается чисто детективный сюжет) и «Вечер», когда герои рассказывают свои эротические истории. Впрочем, каждая из этих частей по ходу действия вплетается друг в дружку.

* * *

Сперва – о вечерах.

Васюков рассказывает историю о том, как он едва избежал смерти из-за любви. Дама, с которой он встретился, оказывается, разыгрывала из себя Клеопатру, предлагая расплатиться смертью за ночь любви с нею. Выясняется, что у Васюкова было множество предшественников, и все они так и погибли, лишь он один сумел избежать смерти.

⁸ От франц. *petit-jeux* («маленькие игры») – нечто наподобие игры в фанты. Описано, например, в романе Ф.М. Достоевского «Идиот».

Г-н Кляпов повстречался с девушкой, оказавшейся анархисткой-террористкой. Сейчас она на каторге, а он все еще хранит воспоминания о ней и выполняет ее тайные поручения.

Львовский рассказывает, как он, служа в юности помощником костюмерши в провинциальном театре, довольно неказистой на вид дамы, неожиданно вступает с ней в странную связь: после спектаклей они оба переодеваются в костюмы оперных персонажей, и дама, предстающая перед ним то в облике Джильды, то Джульетты (и т. д.) кажется ему несказанно прекрасной. Он вспоминает эти ночи странной любви, которых ему так недостает по сей день.

От г-жи Евгеньевой мы узнаём о ее несостоявшемся романе с итальянским оперным певцом. И здесь в ее весьма откровенный рассказ вторгается в качестве цензора уже упомянутая мною труба дымохода. То, что до нас дошло, выглядит примерно вот так:

о каких-то немислимых чудесах, на которые он

на особые физиологические свойства.

И в особенности, пардон, размеры, поражающие воображение

– Гы-гы-гы! Вправду жеребец!

порой даже не слыша его голоса, только и думала: что, что у него там?

Мое любопытство превратилось в страсть!

готовая на что угодно!

покуда довольствуюсь лишь их рассказами

Ах, не надо, господин Шумский!

И – финал ее рассказа:

когда мы после спектакля очутились наедине в его грим-уборной

О, он был король ласки! Нет, не король – само божество!

почти без чувств от его сладостных поглаживаний

такие нежные, всепроникающие руки

не в силах противиться ничему!

сама расстегивая на себе платье

«О, давайте же, давайте, сеньор Андалини!»

но тут он отчего-то стал противиться

я совершенно не понимала

и тут к моему изумлению

ибо

...В общем: «Ибо он оказался... евнухом!..»

Генерал Белозерцев когда-то, еще в молодости, служа офицером при осаде Геок-Тепе, повстречался со сказочной красоты девушкой «из местных», оказавшейся, как потом выяснилось, персидской шпионкой, воровавшей у него штабные документы. В результате девушку повесили, Белозерцева понизили в чине, но он до сих пор не может забыть тех сладостных ночей с нею.

А стоя у виселицы, она вдруг посулила ему такое же окончание жизни, и генерал не сомневается, что это с ним непременно случится. [Забегая вперед, скажу, что так оно, в конце концов, и выйдет (см. далее).]

Рассказ профессора Финикуиди напоминает сказку из «Тысячи и одной ночи». Его, когда-то нищего, грязного мальчугана, вдруг осчастлививляет ночью любви некая знатная дама. Оказывается, ей изменил ее муж, и она решила отомстить ему своею изменой, выбрав для этого кого-нибудь самого грязного и неприглядного.

И тут после его рассказа происходит невероятное:

«– О, это вы? – воскликнула княгиня Ахвледуани!

– Так вы, княгиня, все же узнали меня?

– Не сразу, – ответила она. – То есть, вы кого-то мне все время напоминали, но вы так изменились с тех пор...

– А вы, княгиня, – ничуть! То есть, для меня – ничуть! Уверю вас, вы все так же прекрасны!.. Я, собственно, и прибыл сюда лишь поскольку до меня случайно дошли сведения, что вы обретаетесь именно тут. Кстати, воды эти, хоть и недурны на вкус, но вовсе бесполезны для меня, поскольку желудок у меня, несмотря на мою голодную молодость, совершенно здоров.

– Но княгиня! – взмолился Львовский. – Не мучьте, поведайте, что же, однако, произошло тогда там, в Петербурге.

Впервые за время нашего знакомства она на лице ее выразилось смущение.

– Ах, – проговорила она, – нелепая история. Кстати, вы правы, профессор, эту мысль навеяла мне именно сказка из «Тысячи и одной ночи»: помните, там некий визирь изменил своей жене? Вот и мой Мишель, то есть князь Ахвледуани, умчался от меня с какой-то демимонденткой в Париж. Вот я, как та жена из сказки, и решила со зла: отмишу ему тем, что, что сойду с самым нелепым, самым гадким, самым уродливым, самым грязным... О, профессор, простите, простите меня! Я была так ветрена и в то же время так жестока по отношению к вам! Теперь я, поверьте, иная.

И Финикуиди отозвался:

– Я верю, я верю вам... И вот... посмотрите... – С этими словами он показал всем пятирублевку. – Клянусь, это – та самая?

– И вы ее хранили столько времени? – удивилась княгиня.

– Как видите. Даже в самые тяжелые минуты не промелькнуло желания ее разменять. Позвольте же вам ее вернуть, поскольку я тогда не сумел.

Сколь это ни удивительно, в этот момент именно Евгеньева проявила чувство такта.

– Пойдемте, господа, оставим их, – тихо сказала она. И добавила: – О, это было так романтично!..»

Рассказы Шумского и Грыжедова, признаться, весьма банальны. [Полагаю, дядюшка вставил их лишь для того, чтобы вытянуть все отмеренные названием десять вечеров, мы же их без всякого ущерба для читателя опустим.]

На девятый вечер фант выпадает г-ну Петрову. Он со слезами на глазах рассказывает не столько эротическую, сколько жалостливую историю о том, как его, учителя гимназии, оклеветала из мести одна гимназистка в посягательствах на ее девичью честь. Рассказ его на столько же мало интересен, насколько (как это вскоре выяснится) и лжив.

Наконец, вечер десятый. Рассказывает Ми.

Она, девочка из бедной семьи, испанка по происхождению (Микаэлла ее истинное имя), вдруг повстречала «прекрасного принца» и бежала из дома вместе с ним. Ее принц, однако, оказался владельцем публичного дома, – и чего ей только не пришлось перенести! Заканчивает она свой рассказ словами, что-де затем она и прибыла в этот пансионат, чтобы поквитаться со своим «принцем»; при этом взгляд ее устремлен на Петрова.

Он вскакивает, но остальные пансионеры хватают и ночью все вместе провозглашают ему смертный приговор, который, также вместе, приводят в исполнение.

Это последний из вечеров в «Парадизе», происшедший накануне освобождения его постояльцев из ледяного плена.

* * *

Теперь – о днях.

Тут разворачивается сразу несколько детективных сюжетов.

Как упоминалось, в момент прибытия в пансионат ПВ его там уже поджидал (пardon!) «свежий труп» некоего г-на Сипяги. Причиной смерти все считали укус неведомо откуда взявшейся змеи: все симптомы сходны. Но Финикуиди, осведомленный в вопросах серпантологии, говорит, что змеи с такими именно свойствами яда в здешних местах не водятся.

ПВ, когда-то, до начала своей прокурорской карьеры, служивший судебным следователем и неплохо осведомленный по части криминалистики, начинает собственное расследование. Некоторые его методы остаются (благодаря трубе дымохода) почти сокрытыми для нас. В оставшихся строках описания это выглядит примерно так:

- ...от напряжения забыв об опасности...
- ...Господи, а это еще что?!..
- ...сколько ж всяких снадобий!
- ...открывая крышечку...
- ...Боже, какая красота!..
- ...Да неужто же?!.. Ах, вот оно, оказывается как!.. Вот уж не ожидал!..
- ...Нет, нужно сделать кое-что еще...
- ...И в вашем номере тоже поглядим...
- ...любопытно бы узнать...
- ...Впрочем, при нынешнем развитии методов... возможно и это...
- ...и с чувством исполненного долга...

Сохранившиеся страницы выглядят примерно так же, как те, что приведены выше в рассказе Евгеньевой.

[Что ж, это порой так оно и к лучшему, ибо дает читателю (увы, пока он лишь в единственном числе: Ваш Покорный Слуга) возможность поработать собственными мозгами.]

В конце концов ПВ удастся выяснить вот что.

1) Сипяга прибыл в «Парадиз» с целью выследить некоего германского шпиона, работающего в России под псевдонимом «Зигфрид».

2) Васюков-Ряжский (он, кстати, погибнет уже во вторую ночь) в действительности является чиновником полицейского ведомства. Ни с какой «Клеопатрой» он знаком не был, а явился в «Парадиз», имея сведения, что она прячется здесь.

3) Кокандов (затем также убитый) – провокатор Охранки, прибывший сюда, чтобы, пользуясь сохранившейся любовью Васюкова (вскоре повесившегося) к своей давней пассии, задействовать его в каких-то тайных делишках.

В общем, истинный змеюшник.

Число смертей множится. Погибает также слуга Абдулла, погибает горничная, погибает Семипалатников, лёдник уже едва вмещает покойников. На самого ПВ несколько раз совершаются покушения, причем, явно со стороны разных лиц, но в конце концов ему удается докопаться до всех тайн злополучного пансионата:

1) Причиной смерти Сипяги и Васюкова-Ряжского является укусы вовсе не змеи, а крохотной ядовитыми ракушками, называемыми «*conus geographus*»; их укусы смертельны, а редкость и красота таковы, что на аукционах каждая стоит много тысяч фунтов-стерлингов. Именно их где-то приобрела «тихая богомолка» госпожа Дробышевская, надеясь с ними ускользнуть за границу, ибо она-то и есть та самая «Клеопатра» и на ее счет множество жизней.

2) Шумский – вовсе не Шумский; он – военный инженер Збруев, и также намерен бежать из России, но сие для него трудно осуществимо, т. к. он много знает о наших фортификационных сооружениях. Одной из целей Сипяги было его остановить.

3) Никакого шпиона «Зигфрида» нет в природе. Зигфрид – это имя дядюшки хозяйки пансионата княгини Ахвледзиани, живущий в Берлине, а она, заручившись его письмами, помогает уехать в Берлин тем, кому это затруднительно. Среди таких и Дробышевская, и лже-Шумский, и негодяй Петров.

Такова детективная ткань дядюшкиного повествования.

* * *

Наконец, – и это было самым интересным для Вашего Покорного Слуги, – общий фон романа.

В большом мире, от которого оторваны наши персонажи, полным ходом идет подготовка к большой войне. Дядюшка, имевший доступ к некоторым документам тогдашнего Генштаба, приложил уже после написания романа несколько телеграмм, касающихся группировки армий, поставок вооружения и пр. Ни о чем этом пансионеры «Парадиза», разумеется, не знают, и – Боже! – как наивны порой их разговоры. Грыжеедов, например, говорит:

«Я, правда, человек не военный, но с господами офицерами возжу дружбу, и вот что мне сказал один подполковник. Теперь, с появлением пулемета, войны решительно лишены всяческого смысла. Посудите сами: на каждый батальон полагается два пулемета, стало быть, по восемь пулеметов на полк, на дивизию – еще в три-четыре раза больше. А даже один! – слышите, один! – пулемет способен из окопа за минуту посесть сотню наступающих! А сколько минут требуется для наступления?.. То-то! Перемножим в столбик все на все, и выйдет, что через двадцать минут целой дивизии как не было! И какие, скажите мне, могут быть войны при таком подсчете?»

Правда, многоопытный генерал Белозерцев на это отвечает ему:

«Умен ваш подполковник, да-с, умен! И считает, видно, хорошо столбиком. Только вот что я, старый вояка, вам, господа, скажу: войны – они не от смысла происходят и не от столбиков, а от дурачества людской и от амбиций немереных. Ну а дурачество – ее никогда и никакими пулеметами не истребишь. На том наше военное сословие и держится, иначе давно бы род людской разогнал нас, дармоедов, а вот же, каналы, все еще существуем!.. Что же касательно пулемета – да, видел я его в деле, машина основательная. И в подсчетах ваш подполковник, должно, не ошибся, только вот что сие означает? Лишь одно: что поляжет солдатшек храбрых ребятшек великое множество, ничего более.

Евгеньева:

– Так что же, по-вашему мнению, война все-таки будет?

– А это уж – все равно что сегодня, во вторник, задаваться вопросом, будет ли когда-либо пятница. Нет, не завтра, но непременно настанет! То же и с войной. Ибо она – в дурьей человеческой природе, а как известно, против природы, пардон, не попрешь. Ну а там, где война, – там и голод, и чума, и революция, все, то есть, ангелы Апокалипсиса. Уж поверьте, не запозднятся!.. А вы говорите – пулемет...

– Пулемет-хреномет!.. Революция-хренолюция!.. – подал голос с кушетки на миг проснувшийся Шумский. – Лучшие скажите, никто ли не желает доброго французского коньячка? – Он извлек из-за пазухи флягу, однако тут же на лице его изобразилось разочарование. – Увы, пусто, господа, так что – *tu apologies*⁹...»

И еще много-много разговоров о грядущем, которые у нас, нынешних, могут вызвать лишь улыбку. В общем, эдакий «корабль дураков». [Жаль, что дядюшка не мог видеть одноименный фильм С. Крамера, снятый уже после Второй Великой Войны.]

И символом надвигающейся катастрофы служит эпизод, где наши герои наблюдают в бинокль за полетом гигантского дирижабля. Плывет этот огромный корабль, в гондоле стоят люди, из нее бьет пламя, нагревающее воздух в дирижабле, во общем, чарующее зрелище!

Но вдруг налетает шквал ветра, пламя начинает метаться из стороны в сторону, лижет веревки, на которых крепится гондола; они перегорают, гондола с людьми падет вниз, а дирижабль ветром унесит куда-то вдаль, пока он не теряется из виду.

Да, Россия! Создала очередное чудо, а о стальных тросах, вместо гнилых вереек, не позаботилась!

И в стык с этим идут встроенные в текст штабные телеграммы:

СЕКРЕТНО
СРОЧНО
ГЕН ЖИЛИНСКОМУ¹⁰

Артиллерии в избытке
соотношение с армией Гинденбурга 2:1 ЗПТ А по суммарному весу
Залпа 3:1
но беда со снарядами для новейших 4-дюймовых гаубиц
наличествует менее половины потребного количества
в связи с прибывшим пополнением не достает также провианта
прошу срочно дослать
Ген Самсонов¹¹

— — —

СРОЧНО
СУГУБО СЕКРЕТНО
ГЕН САМСОНОВУ

В предверии возможных боевых действий посылаю в вашу армию
в целях поднятия боевого духа кубанский казачий хор
хористов квартировать и поставить на довольствие

⁹ Мои извинения (англ.)

¹⁰ Командующий Северо-Западным фронтом.

¹¹ Командующий 2-й армией, бесславно погибшей вместе с ген. Самсоновым в Восточной Пруссии в самом начале войны.

ПРИКАЗЫВАЮ ЗАДЕЙСТВОВАТЬ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПЕРЕД ВСЕМИ БАТА-
ЛЬОНАМИ И ЭСКАДРОНАМИ С НЕПРЕМЕННОМ ПРИСУТСТВИЕМ ОФИЦЕРСКОГО
СОСТАВА ВКЛЮЧАЯ ШТАБНЫХ

ЖИЛИНСКИЙ

— — —

ГЕН САМСОНОВУ
СРОЧНО

ПРОШУ ОТЧЕТА ПО КВАРТИРОВАНИЮ АРТИСТОВ КАЗАЧЬЕГО ХОРА
ЖИЛИНСКИЙ

— — —

ГЕН ЖИЛИНСКОМУ

ХОР РАСКВАРТИРОВАН ЗПТ УЖЕ НАЧАЛ ДАВАТЬ ПРЕДСТАВЛЕИЯ
СНАРЯДЫ ДЛЯ ГАУБИЦ ПОКА НЕ ПОСТУПИЛИ
САМСОНОВ

— — —

САМСОНОВУ
СВЕРХСЕКРЕТНО

В СВЯЗИ С ОБЪЯВЛЕНИЕМ ТРЕХНЕДЕЛЬНОЙ БОЕГОТОВНОСТИ ПРОШУ
ВОДКУ НЕ ТРАНЖИРИТЬ ДО НАЧАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
КРУПУ ЭКОНОМИТЬ

ПОТРАЧЕННЫЕ НА ПРИЕМ КАЗАЧЬЕГО ХОРА 23 ВЕДРА ВОДКИ ПРОШУ ИЗ
ОТЧЕТА УБРАТЬ ЗПТ А В НАЧАЛЕ БОВЫХ ДЕЙСТВИЙ РАСПИСАТЬ ПО ДИВИЗИЯМ
ЗПТ ПРЕТЕРПЕВШИЕМ НАИБОЛЬШИЕ ПОТЕРИ

ГЛАВНЫЙ ИНТЕНДАНТ
ВАРШАВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ДМУХАНОВСКИЙ

И т. д.

По-моему, эта развернутая метафора не нуждается в пояснении.

* * *

Своеобразно сложилась судьба героев книги, приведенная ПВ в конце.

Г-н Львовский женился на г-же Евгеньевой. Княгиня Ахвлединани вышла замуж за проф. Финикуиди. Патриотически настроенный там, в пансионате, Грыжеедов купил новый паспорт и, став месье Жюлем Дюнье, убыл в Париж к предмету своих давних воздыханий. Так что пансионат «Парадиз», оказывается, умел не только убивать, но и сплачивать людей в любви.

Что касается Ми, то к моменту написания этого романа, как узнал ПВ, ее уже не было в живых. Так и не ясно, что, именно случилось, но ее нашли возле догорающего здания, где, как оказалось, до этого часу размещался бордель. Там произошло подлинное побоище, шестеро убито из ее пистолетика, но чья-то пуля достала и ее.

[Бедная Ми!]

А вот дальнейшая судьба генерала Белозерцева, как пишет ПВ, ему не известна, он предполагает, что тот уже скончался ввиду своего более чем преклонного возраста, так что напрасно боялся судьбы, которую посулила ему перед казнью та персиянка.

Но тут ПВ ошибся, причем дважды. Во-первых генерал на год его пережил, а во-вторых... Но этого дядюшка уже и не мог узнать. Зато знает Ваш Покорный слуга.

Вот отрывок из одной белоэмигрантской газеты от 1927 г.

«...Лишь сейчас нам стало известно о трагической гибели ветерана многих войн, кавалера дюжины орденов, славного генерала С. Н. Богоявленского, постигшей его на 85-м году жизни. Это случилось в 1920 г. вскоре после захвата большевиками Севастополя (рассказал же нам об этом поручик Н. Н., чудом спасшийся из того ада).

Старого заслуженного генерала повесили там же, в Севастополе, на фонаре рядом еще с сотней защитников города.

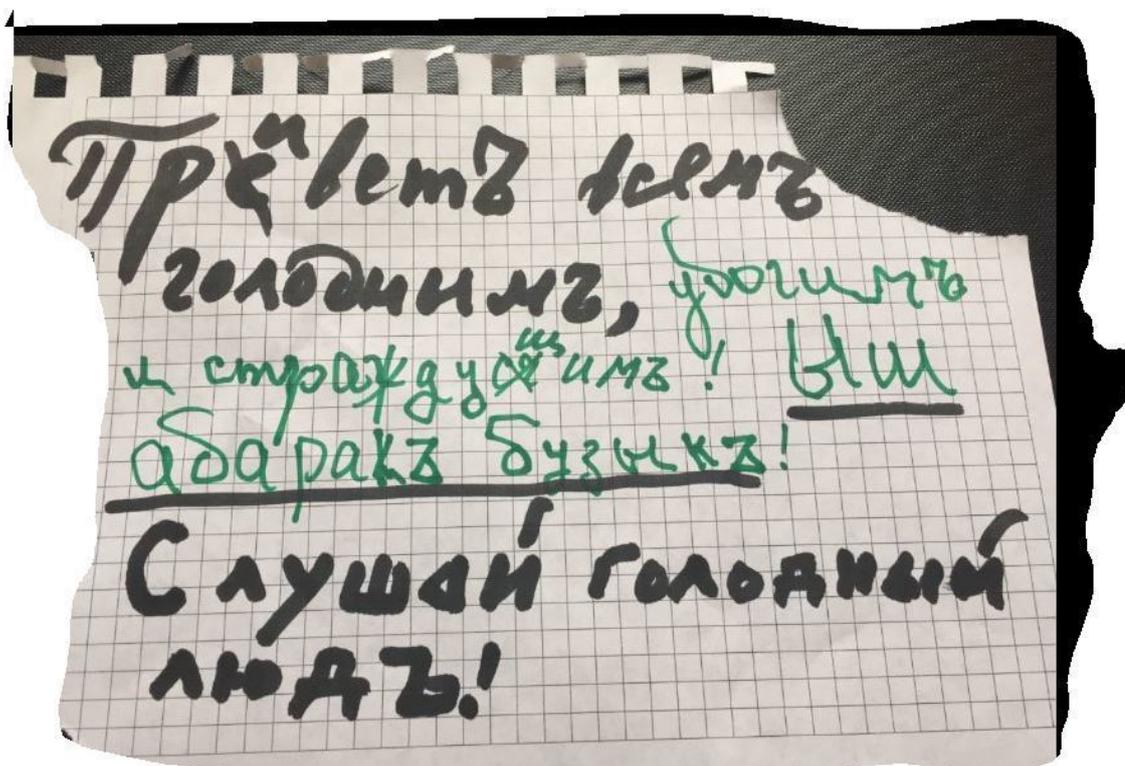
Загадочно последнее слово генерала, произнесенное им перед смертью. Он сказал: «Сбылось...» Но что он имел в виду, ни мы, ни Н. Н. не знаем...»

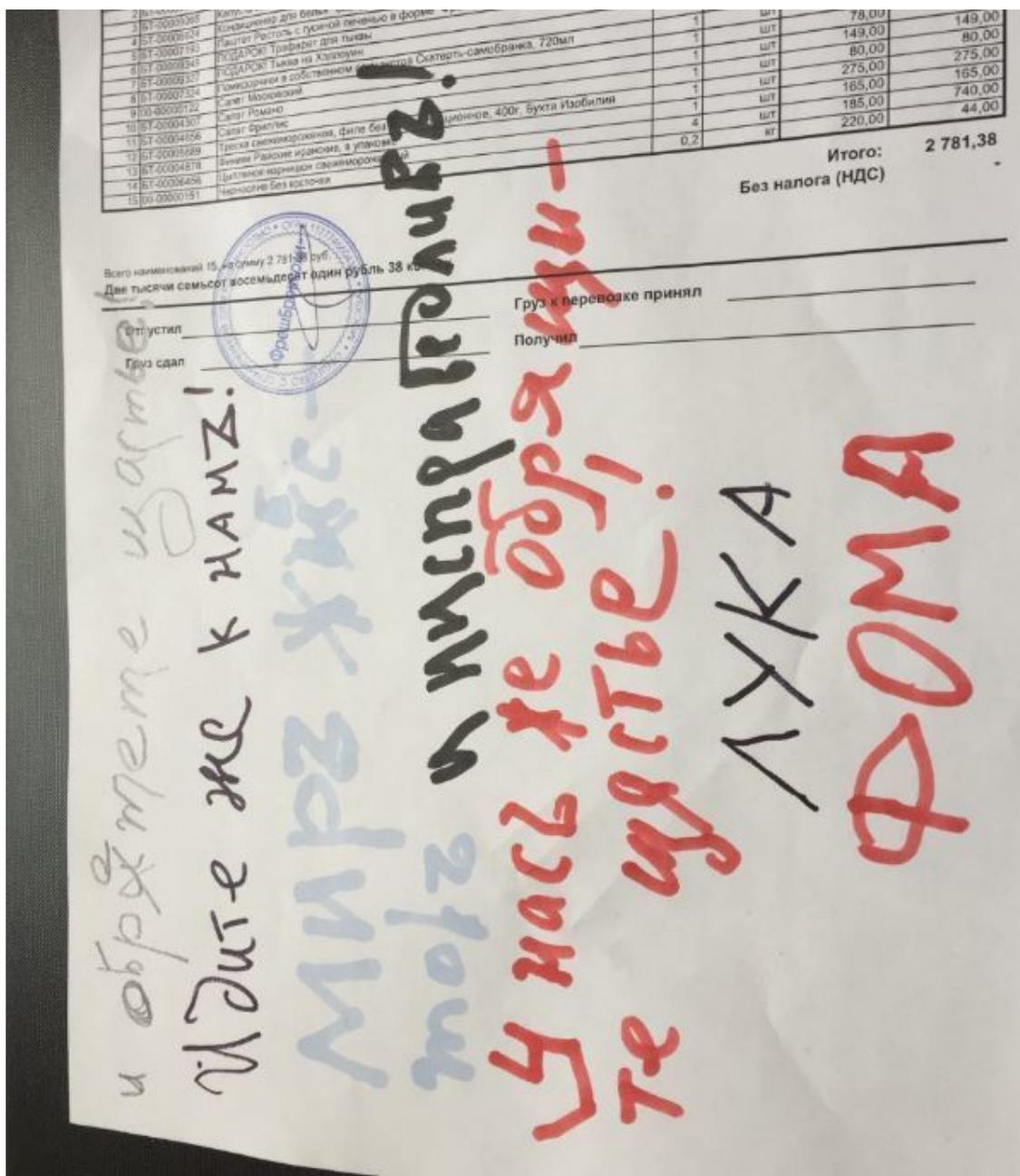
Что ж, зато мы с вами знаем. Мрачные предсказания хоть и редко, но порой, увы, все же сбываются.

7.
КТО
ПРАВИТ
МИРОМ

,
или
БШ
АБАРАК
БУЗЫК

(Авторы – некие ЛУКА и ФОМА)

Не стану здесь рассказывать, каким образом мне достался этот маловразумительный документ. В целом он занимает целый мешок, заполненный обрывками бумаги, коих там тысячи, исписанных вот такими вот каракулями, и от всех разит гнилой квашеной *капусткой* (что свидетельствует об их подлинности; об этом см. ниже). Целиком весь текст приводить глупо – это все равно что напечатать поэму о Гильгамеше в виде фотокопий тысяч глиняных табличек; – потому показываю лишь первую и последнюю страницу. Похоже, писалась вся эта галиматья разными [гм...] людьми. Содержание также не стану излагать, ибо весь текст – это многожды повторяемая, первобытная, как и сами авторы (а они в некотором смысле вправду существа первобытные) демагогия. Лучше-ка расскажу об авторах и их преисподней, в которой мне несколько раз приходилось бывать. [О моих нисхождении в их преисподнюю см. в книгах В. Сухачевского о Тайном Суде, написанных на основе моих ему рассказов. См. также в моих рецензиях №№ 10 и 11, приведенных в наст. сборнике.] Так что в данном случае мои записи не являются ни рецензией, ни аннотацией, это скорее *свидетельствование*.

Ничего не могу сказать о времени написания сего [зм!..] документа. Употребление «еров» ни о чем не говорит – там, в преисподней, до сих пор действует старая орфография, так же, как там поныне в ходу лишь «николашки» (золотые николаевской чеканки). Увы, подписываясь, Лука и Фома, хоть и числят себя монархами, не поставили своих номеров. Полагаю, составлялось это воззвание не одно столетие. Лично мне приходилось встречаться с Лукой и Фомой (*Луками и Фомами*), носящими номера DCCCXXII, DCCCXXIII и DCCCXXIV (822-й, 823-й и 824-й), но все они каким-то образом считали себя всё одними и теми же существами.

После этой прелюдии перейду, однако же, к сути.

* * *

Начну с вопроса: не КТО, а ЧТО правит миром? Я задавал его разным людям многожды и получал самые разные ответы. Тут фигурировали и «деньги», и «глупость», и «жестокость», и «страх», и (уже в совсем недавние времена) «нефть». Но отцы-основатели «корпорации», о которой я поведу речь, когда-то, в незапамятные времена ответили на него однозначно: это – ГОЛОД. Что отчасти и верно, если вести нашу родословную не от начала рода людского, а еще от ископаемых хвостатых рептилий (а то и их предшественников). Потому и слово «корпорация» я взял в кавычки; вообще-то вернее тут подошло бы слово «стая».

Когда-то, – вероятно, еще на самой заре человечества, – некие неведомые нам Лука I и Фома I начали сбивать свою стаю из всех голодающих; так начали создаваться Королевство Нищих (король – Лука) и Империя Помоек (император – Фома). А поскольку и нищие, и помойки существовали везде и всегда (разве за исключением Антарктиды), то подданные монархов были (и есть!) повсюду. Объединил их лозунг, звучащий «ЫШ АБАРАК БУЗЫК!» (говорят, еще шумерского происхождения; поди проверь!) и означающий нечто вроде «Мы голодные, но мы гордые!» (в другом переводе: «Мы нищие – но мы духовные»). Он спланивал Королевство и Империю, со временем охватившие весь свет, сперва Старый, а потом и Новый, так же, как нынешний лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Монархи всегда отличались крайней скаредностью (см. какими листками, подобранными, судя по всему, где-то на помойке), а их жестокость не знает границ. [*Тайному Суду не раз приходилось пересекаться с ними, и во многих случаях это заканчивалось весьма плачевно. Так, помощнику суда Коньшеву в 1903-ем году попортили бока калеными щипцами¹², а палача суда Викентия в 1939-м заживо приколотили железными костылями к стене¹³.*]

По традиции, монархами могут стать лишь удивительные уродцы, причем их уродства из поколения в поколение весьма сходны – какие-то непомерные (похоже, врожденные), горбы, шестипалость, третий глаз и т. д. [*что, как я полагаю, говорит все же о непрерывности обеих династий, так же, как генетические уродства Тюдоров и передаваемая вплоть до убиенного царевича Алексея Романова гемофилия, идущая еще от Козимо Медичи*]. Да и свита их, их аристократия, тоже состоит из всяческих уродцев и кикимор.

Одеваются и они, и их свита в торжественных случаях с потугой на величественность. Так, мне однажды довелось лицезреть монархов в одеянии, видимо, взятом на помойке близ какого-то провинциального оперного театра, одного – в костюме Герцога из «Риголетто», другого – в наряде Аманасры из «Аиды»; а во время войны оба были одеты и загримированы один – под Ленина, другой – под Сталина, свита же их вырядилась в членов Политбюро, там были и «Калинин», и «Жданов», и «Берия», и проч.

Но помойные эти наряды вовсе не свидетельствуют об их нищете, это лишь дань традиции. Истинные их богатства огромны, ибо к ним на протяжении веков стекались по грошику, по сантимому, по пени от нищих со всего мира. [К слову, те нищие, которых мы обычно видим,

¹² См. в книге В. Сухачевского «Из архивов Тайного Суда».

¹³ См. в его же книге «Хроники Тайного Суда».

как правило, понятия не имеют, к кому в конечном счете стекается часть mzды, которую с них взимают.]

Считается, что монархи владеют всеми языками, на коих говорят или когда-то говорили их подданные, то есть всеми языками человечества вообще – существующими или когда-либо существовавшими. Впрочем, судя по приведенным мною фотокопиям, ни одним языком они не владеют сколько-нибудь прилично – просто могут порой вставлять отдельные словечки. Для проверки я обращался к ним и на немецком, и на французском, но они едва ли что-то понимали.

В. Сухачевский в своих книгах о Тайном Суде описывает приемы, которые они дают в своем подземелье. Это несколько утрировано по сравнению с моими рассказами, но выглядит относительно похоже. Во всяком случае, изображено весьма красочно, поэтому не поспею на обильные цитаты. (Ваш Покорный Слуга фигурирует там в третьем лице.)

«Глаза Васильцева уже обвыклись с полумраком, и он увидел два огромных трона, стоявших подле загадочного сооружения, и на этих тронах шевелилось что-то явно живое. На одном троне восседало свиноподобное существо с огромной головой, одетое в наряд, который, не будь он так грязен, подошел бы какому-нибудь оперному королю. Спереди и сзади у свиноподобного выделялись два неестественно больших полушария: спереди – брюхо, сзади – горб. Видимо, уродства служили тут чем-то наподобие знаков аристократизма. На соседнем троне сидел некто неестественно высокий, с прямой спиной, черным, как асфальт, лицом, с руками невероятной длины, одетый в какой-то языческий расшитый звездами синий балахон. Юрий догадался, что лицезреет монархов этого подземного мира – тех самых Короля Нищих и Императора Помоек, Луку и Фому, о которых не так давно рассказывал Домбровский.

Они взирали на Юрия, при этом не переставая зачерпывать из принесенной им банки квашениу капустку и возжелденно чавкая ею...»

[К слову, – о капустке. Конечно, монархи могли бы позволить себе и самую роскошную еду, но эта капустка в их царстве, вероятно, была символом некой, что ли, божественности, как амврозия у богов-олимпийцев.]

А вот описание моего второго сошествия в из Аид:

«Двойной трон монархов, Луки и Фомы, короля нищих и императора помоек, располагался по другую от Юрия сторону бассейна, только одеты монархи на сей раз были в римские тоги, и на головах у них сидели лавровые венки. В бассейне плескались какие-то наяды. Рядом стояла челядь, видимо, из числа самых приближенных, тоже одетая в тоги. Все это выглядело по-римски величественно. Однако, приглядевшись, Юрий отметил, что вода в бассейне грязно-желтоватая – ее, наверно, спустили из труб центрального отопления; что наяды престарелые и вислогрудые; что тоги приближенных сотворены из асбеста, которым утепляют те же трубы; в общем, вся эта роскошь была весьма второсортная. И только сами монархи были одеты в настоящие шелка – не иначе как их подданным удалось спереть для этого штормы из какого-то дорогого ресторана.

Император, глядя на Васильцева из-под тоги глазом, расположенным на животе, произнес:

– Nous vous accueillons à nouveau dans leurs possessions¹⁴.

Юрий вспомнил, что здешним монархам полагалось говорить на языках всех народов, имеющих помойки и нищих, то есть, стало быть, на всех существующих и когда-либо суще-

¹⁴ Мы снова приветствуем вас в своих владениях (фр.).

ствовавших языках. Правда, во французском император был явно слабоват, но – *noblesse oblige*¹⁵.

– Курмалы обала́, – добавил горбатый король то ли на этрусском, то ли на шумерском, то ли вообще на какой-то придуманной ими тарабарщине.

– Ну а капуста где? – спросил император.

Юрий показал авоську. Она пошла по рукам, пока не достигла трона.

– С Центрального рынка? – строго спросил король.

– С Центрального. Полтора кила.

– Что ж, хорошо, хорошо...

Монархи стали поочередно засовывать руки в банку с капустой и с наслаждением чавкать. Челядь с завистью взирала на них.

Наконец они слегка насытились. Император поставил банку уже только с половиной «полтора кил» между собой и королем и сказал по-русски:

– Да, капуста хороша, это ты, Васильцев, молодец. Ну а теперь к делу!..»

А вот уже новые Лука и Фома, на сей раз – накануне войны.

« На Луке был короткий пиджачок с жилеткой, в которой было аккуратно проделано отверстие для третьего глаза. Шею украшал галстук в горошек, на голову он успел надеть кепку, тоже весьма узнаваемую. Фома был в сапогах и в весьма узнаваемом френче. Лука при виде Васильцева прокартавил:

– В общем, вег'ной дог'огой идем, товаг'ищи!

Фома же проговорил с грузинским акцентом:

– Принес капустку? Это хорошо. Правильно поступил, товарищ Васильцев.

Вместе они минут пять уплетали капустку; тем временем и «Политбюро» уже потянулись к трону. Юрий понял, что вон тот, с козлиной бородкой, весьма смахивает на товарища Калинина, а тот, полный, с маленькими усиками, – ну чем не товарищ Жданов?

– Ну, что надо сказать? – спросил обладатель френча (шут знает, как его теперь следовало именовать) .

И недружно грянуло:

– *Le Roi est mort, vive le Roi! Le Empereur est mort, vive le Empereur!*¹⁶

Потом еще и еще раз, все более уверенными и радостными голосами.

Смена власти свершилась! И – боже! – как этот мир, которого не должно было быть, походил на тот, другой, наземный, такой же, в сущности, почти нереальный и такой же жестокий!

[О смене власти в их преисподней я еще скажу несколько ниже. –Ю. В.]

Император произнес короткую тронную речь.

– За нами будущее! – провозгласил он.

Толпа загудела одобрительно, но он оборвал этот гул мановением руки и продолжил:

– А почему за нами будущее? – И по-сталински сам же ответил на свой вопрос: – Потому что, хотя они там богатые (он указал куда-то на потолок, видимо, имея в виду весь наземный мир), но мы – духовные!

Васильцев вспомнил тот, другой мир, где совсем еще недавно от голода процветало людоедство, так что считать его слишком богатым едва ли приходилось. Впрочем, смотря с чем сравнивать. Большинство здешних обитателей жило, возможно, и похуже. С жиру не станут люди поклоняться помойкам, как идолам.

¹⁵ Положение обязывает (фр.).

¹⁶ Король умер, да здравствует король! Император умер, да здравствует император! (фр.).

– Да, мы бедные – но мы духовные! – подтвердил второй возждь.
– Бедные – но духовные!.. – едва не прослезился «товарищ Калинин».
– Бедные – но духовные! – с жаром воскликнул «товарищ Жданов».

Дальше уже вся толпа кричала, постепенно входя в раж: «Бедные, но духовные! Бедные, но духовные! Ъи абарак бузык!!..»

Вот когда Васильцев понял смысл этих загадочных слов, слышанных им здесь прежде. Он тогда думал, что это какой-то боевой клич...

Впрочем, это и был такой боевой клич: «Бедные – но духовные!» Вот и там, в стране, оцетинившейся танками против остального мира, возможно, в этот самый момент люди выкрикивают на каком-нибудь своем собрании ту же самую мантру: «Бедные – но духовные! Ъи абарак бузык!»

А может, где-то внизу, под этим полом, существует какой-то третий мир, а под ним – четвертый, и везде раздается тот же крик: «Бедные – но духовные! Бедные – но духовные! Бедные – но духовные!..»

А вот описание польского «филиала» преисподней. Дело происходит уже во время войны в оккупированной немцами Варшаве. Здесь все куда скромнее.

«Коптило несколько факелов, и Юрий с трудом смог различить трон в конце залы, на котором восседало горбатое существо, одетое в клетчатый штатский костюмчик. Горб у существа тоже имелся – но какое там сравнение с тем фантасмагорическим горбом Луки! Юрий знал, что здешние монархи находились в вассальной зависимости от «москвичей», но именовали себя так же гордо: король Нищих Сигизмунд и император Помоек Венцеслав; его удивило, что сейчас в зале стоит лишь один трон, украшенный одноглавым польским орлом с короной, и на нем восседают монарх в единственном числе. Судя по горбу, то был Сигизмунд с трехзначным номером, король варшавских нищих.

По обе стороны от его величества выстроилась здешняя «шляхта», в очень потрепанных камзолах, с саблями на боку, в которых Васильцев распознал картонные игрушки, которые покупал ему в детстве отец. Вероятно, уловив усмешку на лице у Юрия, монарх наконец подал голос:

– Да, вы правы, сплошное убожество, – произнес он на весьма неплохом русском языке. – А чего вы хотите? Идет война, нищим давно уже никто не подает, шляхтичам моим пришлось, вон, даже сабли попродавать, чтобы как-то выжить... М-да, сплошной мизераблизм.

Юрий спросил:

– Неужто его величество император Венцеслав покинул это мир?

– О, нет! – хмуро отозвался король. – Живехонький, псякрев. Да только падлой распоследней он оказался. Отделился от нас, служит теперь лондонским паханам, гад!

Шляхтичи в знак согласия грозно щелкнули картонными саблями в картонных ножнах, а Юрий подумал, что сложные взаимоотношения между Сталиным, Черчиллем и Сикорским¹⁷, как видно, имеют свое отображение и здесь, в этом мире, которого не может быть.

– Однако трон, древний трон Пястов, он здесь! – король постучал под собой. – Так что всякому понятно, кто тут монарх истинный, а кто самозванец.

Шляхтичи закивали одобрительно, один лишь Васильцев снова не смог скрыть улыбки, ибо истинную судьбу трона Пястов он знал¹⁸.

И снова эта его улыбка не осталась не замеченной для короля.

¹⁷ Сикорский, Вацлав, председатель «польского правительства в изгнании», находившегося в Лондоне.

¹⁸ Есть версия, что после Первого раздела Польши в 1772 г. Екатерина II повелела привезти к себе этот трон и сделать из него для себя стульчак. Возможно, этим она желала дополнительно унижить своего бывшего любовника, последнего короля Польши Станислава II Августа Понятовского.

– *Вижу, вы тоже знаете эту некрасивую историю, – сказал он. – Да, так оно и было – что (уж простите великодушно!) не делает чести вашей монархии. Он в таком печальном виде и простоял до недавних пор в Царском Селе. Но Царское Село не столь давно было занято пруссаками, и нам удалось приобрести эту бесценную реликвию не столь уж задорого у одного немецкого интенданта. Дырку мы заделали, кое-что подновили, зато трон подлинный. А у этой падлы, у императора Венцеслава, – подделка, что бы он там кому ни говорил!.. Однако, моим сюзеренам, Луке и Фоме, да живут они еще сто лет, вы, пан председатель, сколь мне известно, всегда делали некоторое подношение...*

«Черт! – подумал Юрий. – Про капустку-то я и забыл!..»

Свидетельствую – примерно так все оно и было.

* * *

Теперь – о смене монархов. Я заставал это событие дважды, и оба раза и соответствующий Лука, и соответствующий Фома покинули этот мир отнюдь не по своей воле. Каждый раз это происходило в результате «государственного переворота», с непременным убийством обоих предыдущих монархов. Полагаю, и нынче весьма часто звучат в том подземном мире восклицания: «Король умер, да здравствует король! Император умер, да здравствует император!» В общем, их мир представляет собой пародию на наш, подлунный, весьма точную. Самое удивительное – что эта пародия существует вживе!

Добавлю: монархи искренне полагают, что и нашим миром в действительности правят они. Конечно, нельзя отрицать их некоторое участие и в революции 1905 г., и в Октябрьском перевороте 1917-го¹⁹, особенно же в разгулялись они в годы Гражданской войны (ох уж тогда пришло их времечко!), но в целом же это, мягко говоря, некоторое с их стороны преувеличение.

* * *

Где расположен в Москве вход в их тронную залу, мне неведомо, ибо всякий раз отвозили меня туда с повязкой на глазах. Но если вы пожелаете проверить мои слова и тоже побывать в их преисподней, то проще ничего нет. Возле метро «Парк культуры» всегда стоит слепец с табличкой на шее: «Ремонтируем швейные машинки всех марок». Скажете ему, что желаете лицезреть монархов – и вас тут же доставят. Только капустки с собой не забудьте прихватить. А меня с собой не зовите. Мерси! Сыт по горло!

* * *

Пишу эти строки 7 ноября 1957 года. По радио уже в третий раз исполняют «Интернационал»: «Вставай, проклятьем заклеянный...», и т. д. В общем, «Ыш барак бузык».

Пахнет гнилой капусткой. Это – от мешка с их каракулями.

Нынче же непременно его выкину.

Сколько еще всякой нечисти прячется в тайниках у нашей Клио?

8. КТО ПОДЖЕГ РИМ

¹⁹ Опять же см. у В. Сухачевского в его «Хрониках Тайного Суда».

?

Авт. Дм. Сирый

[Ист. справка. Причины пожара (да и был ли он?) точно не установлены.

Одна версия состоит в том, что первыми загорелись бесчисленные лавчонки, которые в большинстве принадлежали выходцам с Востока, и временные жилища, где они ютились. Ярость толпы обратилась прежде всего против христиан, свирепые преследования которых стали по приказу Нерона в угоду народу осуществляться правительством (что, безусловно, уже средневековая правка истории, поскольку римляне в ту пору едва ли видели какое-либо различие между иудейскими сектами, будь то фарисеи, саддукеи или последователи Христа).

Другая распространенная версия состоит в том, что город был подожжен по приказу сумасбродного Нерона. Здесь называются две мотивировки. Согласно первой, Нерон стремился пережить небывало острое художественное наслаждение, глядя как обращается в гигантский костер миллионный город. Согласно второй, план его состоял в том, чтобы дать пламени уничтожить памятники, в которых жил многовековый древний Рим, дабы, навсегда покончив с прошлым, построить на его месте новый город, соответствовавший новой эпохе. —В.С.]

—

Ныне имя драматурга Дмитрия Сирого почти забыто, хотя в свое время он был автором двух десятков пьес, написанных, как это называется, «на злобу дня» (шедших в основном в провинции), прославляющих колхозное строительство, борьбу с Церковью, борьбу чекистов с «врагами народа», славную пионерию и комсомол, а накануне войны – непобедимость Красной Армии. В результате прожил вполне благополучную жизнь, никогда не подвергался критике, заработал немало денег, разве только почему-то спивался понемногу, от чего в конце концов и помер. Но одна его комедия, дошедшая до нас лишь в списках, свидетельствует о том, что умел он мыслить порою отнюдь не ordinarily, отчего, полагаю, комедия эта никогда поставлена и не была. Да уверен, он ее никому и не показывал.

О ней мы и поговорим.

Сюжет таков.

Однажды император Нерон, вместе со своим секретарем Полибием инкогнито (как он любил) прогуливался по Риму и рассуждал о том, сколь прекрасен этот величественный город на семи холмах; а ведь мог бы быть еще краше, если бы не эти жалкие лавчонки, расположившиеся даже тут, на главной площади, так портящие вид. Вот взять бы их – и... Однако ж – никак! Ибо – чья-то собственность, а она по римским законам неприкосновенна. Так, видно, и будут из века в век уродовать эту красоту!

Полибий лишь кивает и что-то записывает. Лишь дослушав монолог императора, говорит: «Я все понял, принципс».

И, понятно, уже к вечеру все лавчонки на площади сгорают дотла. Видно (как говорит Нерон) «помог сам Юпитер, не терпящий убожества».

Увы, надо, однако, провести расследование – ведь не Юпитер же самолично подносил факел; он же, император, обязан стоять на страже порядка. А сделали это скорее всего какие-нибудь бродяги, выходцы с Востока; возможно те из них, самые нелепые, что вопреки здравому смыслу веруют в какого-то своего распятого божка («что, согласишься, Полибий, беспредельно глупо, ибо – какой же бог даст себя вот так вот за здорово живешь распять»).

Ну, расследование – так расследование. И вскоре несколько поклонников распятого бога, облитые оливковым маслом, полыхают, висят на городских фонарях, чтоб другим неповадно было.

* * *

А тут некоему строительному подрядчику не нравится расположение вон того склада: ведь на этом месте можно было бы построить... О, чего только здесь нельзя было бы построить!..

Надо ли говорить, что тем же вечером склад возгорается?

А кто виноват? Да вон, их уже облили маслом и волокут к фонарям! А народ-то, римский народ как радуется!..

* * *

Некий сенатор презирает и ненавидит своего соседа. Ведь происхождение у того – тьфу, а вон какую виллу себе отгрохал! Повыше, чем у иных потомков самого Юлия!..

Разумеется, вилла соседа уже на другой день полыхает огнем.

* * *

И горят, горят римские лавки, дома, виллы, усадьбы. И горят, горят, к радости толпы, христиане на фонарях.

Нерон уже и сам обеспокоен: жизнь в Вечном Городе вдруг стала такой небезопасной!

Впрочем, обеспокоен не он один. Никто теперь не ощущает себя в безопасности. По городу прокатывается шепоток: ни при Юлии, ни при Августе, ни даже при Калигуле подобного все же не было! Может, неправильного императора за какие-то прегрешения послал нам Юпитер?

Взять того же Гальбу²⁰! Хоть и старик – но такого безобразия он бы уж как-нибудь не допустил!

* * *

Полыхает весь Рим. Легионы Гальбы уже вступили в город.

Нерон, сидя на своей вилле, уже знает, какая участь в ближайшее время ожидает его.

Напоследок он любуется зрелищем невиданного пожара, затем берет меч, подносит его к горлу и произносит свои всемирно известные слова: «Какой артист умирает!»

* * *

Надо ли разъяснять смысл этой комедии (так обозначил ее автор)?

Так же, как – надо ли объяснять, почему она не была и не могла быть поставлена в тогдашнем СССР?

Полагаю, автор никому ее и не показывал.

Возможно, иные могут здесь уловить некоторую отдаленную связь со знаменитой комедией Макса Фриша «Бидерман и поджигатели», но тут прошу учесть, что Фриш написал свою комедию много позже Дм. Сирого, ну а попасть к нему сия рукопись, существующая в единственном экземпляре, уж никак не могла. Видно, сама Клио порой нашептывает авторам свои сюжеты.

9.

²⁰ Римский военачальник, возглавлявший легионы в Испании. Впоследствии он сменил Нерона.

СПАСТИ ЖАННУ

!

Авт. Феликс Денни

Автор (о котором ничего не могу сказать) в своей довольно остроумной повести переносит нас в средневековую Францию времен Столетней войны, в тот момент, когда Жанне д'Арк, попавшей в плен в бургундском Руане, уже вынесен инквизицией смертный приговор и она томится в тюрьме в ожидании казни.

Спасти Орлеанскую Деву! Такая мысль одновременно приходит в голову многим.

Ф. Денни строит свою повесть из нескольких небольших глав, в каждой из которых этот благой порыв, едва возникнув у каждого из персонажей, тут же разбивается о доводы разума.

* * *

В первой главе некий барон де Круа, воевавший под началом Жанны и участвовавший вместе с нею в освобождении Орлеана, не скупится на средства, чтобы организовать ее похищение. Надежные люди уже готовы, но барон не спешит отдавать последний приказ. Он в раздумьях...

Конечно, эту деву, видать, и вправду послал сам архангел Михаил, дабы она спасла Францию. Ее победы блистательны, ее храбрости позавидует любой рыцарь, англичане бегут при одном звуке ее имени.

Да, спасти! Чего бы то ни стоило – спасти!..

Но с другой стороны... Почему бегут от нее англичане, нетрусливые, в общем, ребята? А потому, что она приказывает вешать всех пленных, будь то простолюдин или (слыханное ли дело!) даже лорд. Простых-то лучников – ладно, дело вполне понятное; но рыцарей-то, рыцарей зачем?!

Правда, прежде они так «бесстрашно» воевали во Франции именно потому, что им, в сущности, ничего страшного не грозило. В бою от смерти сберегут латы, а плененного, его никто не лишит жизни, ибо – зачем резать курицу, несущую золотые яйца? Ведь пленного рыцаря продают его английской родне за немалый выкуп. Я вот (вспоминает он) пленил, было дело, одного барона и одного графа. На деньги, полученные за барона, удалось справиться себе новые доспехи, приобрести дюжину превосходных скакунов и прикупить земли, а выкуп за графа дал возможность построить новый замок.

Нет, вести так войну, как вела ее эта девица, – совершенно против всяких правил!

А что если англичане в ответ и наших рыцарей вешать начнут? С них станется.

Нет, она свое дело сделала; пусть-ка теперь отправляется на Небеса, к своему архангелу! Жаль, конечно, – уж больно девица храбра и хороша собой; но если рассуждать по уму...

В общем, ясно, что последнего приказа он так и не отдает.

* * *

Далее мы встречаемся с соратником Жанны бароном Жилем Рэ, маршалом Франции. У того тоже все наготове для спасения Орлеанской девы. И снова доводы разума пересиливают его порыв.

Да, девица хороша! Вот только... Кому (если, Бог даст, окончательно одолеем англичан), кому достанутся все лавры победителя? Ясно кому – ей, крестьянской простушке! А про иных героев этой проклятой войны, тоже немало крови проливших, и своей, и вражеской, – про них, будь они даже маршалами, поди, и не вспомнит никто...

Нет, самое для нее место – уготованные для нее Небеса. А мы, грешные, тут и без нее как-нибудь повоюем!

* * *

И вот сам король Карл VII.

О, как он обязан этой Орлеанской деве! Мало того, что англичане бегут от нее как от огня; она еще и отняла у них священный город Реймс, где только и позволено короновать королей Франции. Именно потому он, Карл, теперь полноправный король, а не дофин, как его именовали до взятия Реймса.

Спаси ее, непременно спаси! Послать целую армию на Руан (во главе хоть с тем же Жилем Рэ); пускай поляжет людей, сколько Богу угодно, – но ее во что бы то ни стало спасти!..

Однако... Однако надобно прежде все взвесить. В первом порыве действуют лишь безумцы, наподобие его папаша Карла VI, которого иначе как Карлом Безумным никто за глаза не называл. Оттого и Франция за годы его правления скукожилась до одного Парижа, остальное, пока не появилась эта девица, оставалось под чертовыми англичанами.

А что если она, спасенная, проиграет какое-нибудь сражение? Да, она, конечно, посланница самого архангела Михаила, но ведь и у Божьего архангела не всегда хватает времени присматривать за всеми своими посланниками. Вот, предположим, постигнет ее пусть даже крохотная неудача, – и что тогда? Сразу поухнет ее слава, не таким окрыляющим для наших воинов станет ее имя. А ведь именно именем своим (не мечом же!) она и привела нас к победам.

Имя ее – вот что надобно любой ценой спасти! И даже придать ему еще большее величие! Святая!.. Да, именно так, *святая Жанна*, – вот кто еще более окрылит наших воинов на грядущие победы!

Жаль, конечно, девчонку, но место святым – только на Небесах...

Только вот – как произвести в святые деревенскую девчонку? Просто провозгласить такой? Ах, не поверят, не поверят...

И постепенно к королю приходит озарение. Ну-ка, кто у нас там проявил себя как ловкий лазутчик? Кажется, его зовут Пьер из Орли.

«Эй! – приказывает король. – Пьера из Орли – ко мне!»

* * *

Пьер из Орли, пробираясь в занятый англичанами Руан, так и не понимает смысла полученного им приказа. Ну повелел бы король, как было в прошлый раз, доставить планы вражеских укреплений, или, там (как не раз было), прирезать втихаря кого-нибудь из англичан; а тут, понимаешь ли, – *голубка*.

Конечно, проще ничего нет; но что за (прости, Господи) глупый приказ?! Хоть бы что разъяснили ихнее величество!

* * *

И вот площадь в Руане. Жанну привязывают к столбу, уже обложенному хворостом.

Но когда хворост поджигают, из него вдруг вылетает белая голубка и устремляется в небеса. По толпе проходит ропот: «Голубка...» – «Это отлетает ее святая душа!» – «Да не ведьма она! Она – святая!» – «Не оставит это безнаказанным Господь!»

* * *

Бесстрашно идут в бой французские воины. «Во имя святой Жанны!» – раздаются крики.

Скоро, очень скоро война будет окончательно выиграна. Именем *святой Жанны*.

Все складывается прекрасно. Святую Жанну знают все.

Только вот о живом человеке забыли. Как, впрочем, порою поступаем и мы, нынешние, где бы мы не жили.

Оттого, полагаю, эта повесть Феликса Денни и не опубликована даже в благопристойной Франции.

10.

ТАЙНЫЙ СУД

Серия книг «Хроники Тайного Суда»

(«Экс-доцент, или Тайный Суд», «Сын палача», «Слепень»)

Авт. – Вадим Сухачевский

Автор данной серии следует слышанным от меня рассказам. Правда, следует весьма вольно, однако, поскольку мы все же имеем дело с романами, а не с историческими исследованиями, в этом не будем к нему слишком строги.

Но сперва – о самом Тайном Суде. Это весьма древний институт; первые сведения о нем дошли до нас из Средневековья, но мне известно, что он существовал и много ранее; в Средние века лишь оформилась его структура, в некоторой степени похожая на нынешнюю. Этот суд вступал в действие, когда само понятие «справедливость», казалось, вовсе улетучивалось из нашего жестокого мира.

И тогда судьи Тайного Суда брались за дело. Скрыться от их приговора не удавалось никому. Знаки S. S. S. G. G. («Stock», «Stein», «Strick», «Gras», «Grein» – «Палка», «Камень», «Веревка», «Трава», «Страдание») – наводили ужас даже на сильных мира сего, ибо палачи Суда (Sic! У Тайного суда были и свои палачи) действовали без промашек. (О том же, почему знаки Суда именно таковы не стану сейчас рассказывать – узнаете из книг В. Сухачевского; скажу лишь, что это также имеет свою историю, идущую из Средневековья.)

И даю вам слово, Тайный Суд существует и по сей день, и мое присутствие в этом мире – тому доказательство, ибо никто иной, как Ваш Покорный Слуга до относительно недавнего времени являлся председателем Русского отделения этого самого Суда.

Почему? Да просто «по праву происхождения». Отцы-основатели когда-то постановили, что судьей может стать лишь сын судьи (так же, как палачом – сын палача), а мой отец, Андрей Васильцев, как раз и являлся когда-то председателем Тайного Суда (об этом см. в книге В. Сухачевского «Злой Октябрь» или же – в моем кратком пересказе – в рецензии на упомянутую книгу).

Добавлю, что Тайный Суд всегда располагал достаточными денежными средствами, который оставил еще в XIX в. один из его заседателей, сказочно богатый английский лорд, бывший одновременно одним из соучредителей Ост-Индской компании.

Имеется у ТС и свои способы влиять на государственные структуры, включая даже всемогущий НКВД. Дело в том, что у ТС есть т. н. «поднадзорные» – те, кто за свои злодеяния уже осужден, но пока оставлен *под надзором*. А поскольку любой мерзавец уважает лишь силу, то, увидев истинную силу ТС, эти поднадзорные, даже не рассчитывая на помилование, служат Суду вполне бескорыстно.

После этих пояснений приступим к названным книгам.

* * *

Книга 1. «Экс-доцент, или Тайный Суд».

Экс-доцент – это Ваш Покорный Слуга (дабы не «якать», буду называть его для кратости «Ю. В.»). Доцентом математики Ю. В., действительно, некогда был, пока не примкнул к Тайному Суду (ТС).

Действие начинается в страшном 1938 г., когда над Ю. В. сгустилась угроза скорого ареста. И тут он вдруг встречает некоего Домбровского, который, как выяснилось, является председателем ТС.

Ю. В. не сразу соглашается стать одним из заседателей. И лишь когда оказывается, что явно ускользнет от отечественного «правосудия» маньяк-убийца Куздюмов, убивший несчастную девочку, он говорит: «Я согласен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.